К. Ковтун

Изборник

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

г. Печора, типография Зак. № 1050

К 84
Х-30

Б. Хватов

ИзБорник

93695
12

Печорская
ЦБС

Печора
2003

Автор выражает благодарность руководству Печорского филиала ООО «ТехноСеверНефть», без финансовой поддержки которого сборник не смог бы выйти.

© Издательство «Печорское время», 2003.

* * *

В ком на поэзии язык
В душе нет спроса,
Я на таких глядеть привык
Немного косо.

Чьи души к музыке мертвы,
Скажу без вздоха:
О них я думаю, увы,
Довольно плохо.

Кто глух к журчанию ручья,
Не любит леса,
Таких людей встречаю я
Без интереса.

Но равнодушным не смолчу,
Скажу: «Зараза!» —
И очень плюнуть захочу
На них два раза.

1977

НА РОЖДЕНИЕ СЫНА

И долгожданное свершилось наконец,
Всё позади: волнения, тревоги.
Родился сын —
Отныне я отец,
И я стремглав помчался по дороге.

Скорее бы увидеть малыша!
Ах, чёрт возьми! В кого он уродился?
И я бежал, бежал, с трудом дыша,
И вдруг как вкопанный остановился.

Восторг и радость улетели прочь,
Заныло сердце под пальто в тревоге:
А вдруг ошиблись? Вдруг родилась дочь?
И я стремглав помчался по дороге.

27 марта 1957

* * *

Мы встретились легко и без оглядки.
Всю ночь костёр дымился у палатки,
И ты, и ночь, и полоса тумана —
Всё было светлым, как цветок дурмана.

Девчонки спали... Мы же без конца,
Боясь понять себя, всё говорили.
А рядом, в нас, счастливые сердца
Стучали влад: они уже любили.

И я всю жизнь, как радостному чуду,
Счастливой встрече радоваться буду.

1964

* * *

Зима-проказница,
Мети пути!
Какая разница,
Куда идти...

Как ночью белою,
Светло в лесу,
Я радость светлую
В себе несу.

Берёзки нежные
Светлы, как ты,
И всюду снежные
Цветут цветы.

Иду и радуюсь —
Сомнений нет.
Снежинки падают,
Как белый цвет.

1963

* * *

Я думаю сегодня об одном:
Как хорошо на этом белом свете!
Двурогий месяц прячется за дом,
С листвой берёз шушукается ветер,
И светится заветное окно
Среди других приветно и лучисто.
На улице и тихо, и светло,
А на душе и радостно, и чисто.

1964

«ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ, В КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮ СВОИ ЧУВСТВА»

1

С твоим письмом с почтамта убегая,
Готов расцеловать любого дурака я,
Но нежные слова, написанные мне,
Хочу читать от суеты подальше,
Наедине.
Нельзя же
С твоим письмом лежать на тесном пляже,
Где загудит от солнца голова,
Где растворятся милые слова
В пустом и пошлом пляжном разговоре:
Кому толстеть, кому худеть не хватит ли...
Уеду в море! На катере!

2

Ревёт мотор, и свежий ветер свищет,
И волны в брызгах шлёпают о днище,
Летают чайки, как письма страницы,
И море без конца, и счастью — нет границы.
Страничку ветер треплет — я смеюсь:
— Учи, учи, бродяга, наизусть,
А после будешь, пролетая мимо,
Мне на ухо шептать слова любимой.

3

Твои слова, твоя любовь — со мной.
Я рву письмо — летят клочки бумаги
Стремительно, как чайки за кормой,
Слова твои.
Их море растворит в солёной влаге —
Слова любви.
И пусть всегда: и в радости, и в горе —
Слова любви мне повторяет море.

1964

* * *

В разлуке мы, но знаем: оба — дома.
Часы бьют шесть... тик-так.
И в тот же миг
Прорвались звуки сквозь раскаты грома:
О счастье и любви рассказывает Григ.

И расстояний нет! И нет для нас разлуки.
Гроза стихает, тихо уходя,
И чисто, и прозрачно льются звуки,
Как шелест листьев с каплями дождя.

1964

ПУНКТИРЫ ЧУВСТВ

Лишь стал я независим
Назло судьбе,
Пунктиром нежных писем
Привязан я к тебе.

Невзрачные конверты —
Бесценный груз.
Несутся над планетой
Пунктиры чувств.

Разлуки год не страшен —
Родная, не грусти,
Недаром письма наши
Встречаются в пути.

Но, думая всё чаще,
Что ты не здесь,
Я сам в почтовый ящик
Готов залезть.

1964

ХУДОЖНИК И ОБЕД

Однажды пригласил сосед
Художника-соседа на обед.
Широкий стол украсили заране
И помидоры красные в сметане,
И жёлтый сыр с блестящей алой коркой,
И тёртый хрен на синем блюдце горкой,
Картофель белый в зелени укропа,
Хрусталь гранёный окружал пол-литра,
Художник закричал восторженно: «Европа!
Клянусь мольбертом — сочная палитра!
Вот красота, достойная Ван Гога!
Я напишу её! Прошу не есть
Совсем немного:
Часов пять-шесть».

Мораль проста, её запомни твердо:
Не делай из закуски натюрморта.
А остальное без морали ясно:
Звать на обед художника опасно.

1965

* * *

Обычно с наступлением весны
От школы я совсем обалдеваю:
Я вижу «производственные» сны,
Как в класс вхожу — и ничего не знаю.

Во сне, должно быть, память подвела —
И пыжусь быть развязным и весёлым,
А сам стою, краснея, у стола,
Как тот король, что оказался голым.

Я от усилий бесполезных взмок,
Нет мысли в голове и слова в глотке,
И бесконечный тянется урок,
Как муки грешника на сковородке.

1975

В ДЕРЕВНЕ

Опять я в деревне...
Некрасов.

Опять я в деревне... Коровы и куры.
Я здесь отдыхаю — живётся легко!
У нашей соседки, колхозницы Нюры,
Жена каждый вечер берёт молоко.
По мне бы деревня такая — находка!
Страшит меня город, как мрачный вертеп.
А здесь — магазин, в магазине есть водка,
И даже привозят из города хлеб.
Для дочки — качели, для сына — рыбалка.
Бывает кино. Я — ухожен и сыт.
Вот только жену мне несчастную жалко:
И здесь заедает несчастную быт.

Ворчит мне в угоду умеренно Ира.
Но вижу я: валится дело из рук,
Но частная часто ей снится квартира:
— На всё бы готовое! К морю! На юг!
Конечно, бывает, вздохнёшь о культуре,
Но это не главное, это — потом!
Тут выспаться даже колхознице Нюре
Порой удаётся с великим трудом.

Зато как звучит здесь язык наш великий,
Когда из немногих в селе мужиков
Пожизненно пьяный, косматый и дикий,

Рыча и ругаясь, бредёт Куликов.
Зато стало меньше и грязи, и пыли:
Асфальт вдоль села, электрический свет,
И газ есть в баллонах. А школу закрыли.
Где «милые плуты»? В деревне их нет.
Лишь дачники здесь собираются к лету,
Зимой не найдёшь молодого лица.
И всё...
— Как же всё? А конца-то и нету!
Сам вижу, что нет, но не вижу конца.

1980

РОДИНА

Всё в нашем сердце будит отголоски,
И с Родиной роднит нас каждый шаг,
И всё же Родина — не три берёзки,
И начинается она не так.

Нам дороги все впечатленья детства,
Природа нам родная дорога,
И всё, что получили мы в наследство,
Готовы защитить мы от врага.

Любить и защищать её — не мало,
Но до конца постигнем мы, прозрев,
Что составляют Родины начало
Три чувства: гордость, боль и гнев.

1980

ИВАН СУСАНИН

(Читая Костомарова)

Косматое слово скажи: Кострома –
Услышишь, как звякает стремя.
История входит с кострами сама –
Тяжёлое, смутное время.

Что может с народом беда сотворить?
Людишки в смятенье и в страхе.
И рвутся великую Русь покорить
Кичливые, лживые ляхи.

Мужик ли, купец – не проедешь домой,
Не выручат лошадь и сани.
В лесах, на дорогах – грабёж и разбой,
Тогда был убит и Сусанин.

Напали разбойники, хищный ли зверь –
Всё тайна, покрытая мраком.
Об этом никто не узнает теперь,
Но всё приписали полякам.

1980

-93695-

Печорская
ЦБС

СОНЕТ

Нет, мы ещё с тобой не постарели,
Но я всё чаще думаю о том,
Что стало не хватать нам общей цели,
Что много оставляем на потом.

Здоровый дух живёт в здоровом теле!
А то, что добывается с трудом,
Воспитывает нас, так неужели
Для нужного мы силы не найдём?

Для лыж, для музыки, для споров и друзей
Ты времени, как скряга, не жалей!
И мы с тобой воскреснем понемногу.

И верю я: опять вернётся миг –
Для нас звучать как прежде будет Григ,
И позовёт нас молодость в дорогу.

1982

РОДИНА

Когда мы искренни, всегда мы в чём-то правы:
Да, Родина — и воды, и леса,
И росы, и цветы, и луговые травы,
И облака, и птичьи голоса.

Но слово «родина» не зря сродни «народу»,
Обкатанное в долгие века,
Как тот валун, что бороздил породу,
Захваченный движеньем ледника.

На Родине — народ.
При Родине — природа.
Вот так слова родного языка
Вплетаются в историю народа
И вместе с ним идут через века,

1982

ЭПИТАЛАМА

Широким взлётом лестничного марша
Потоки музыки торжественно лились,
И вы на звуках «Свадебного марша»
К семейной жизни вместе вознеслись.

А после у домашнего причала,
Счастливые, по-новому свои,
Сидели вы, и музыка звучала,
Как музыка родившейся семьи.

По клавишам легко скользили руки,
И так хотелось слушать без конца,
Как будто бы рождали эти звуки
В согласии звучащие сердца.

1983

ЮБИЛЕЙНОЕ

Добыть мы всё должны своим трудом,
Чтоб ощутить весомость достиженья,
Вот почему в свой деревенский дом
Приехал я к себе на день рожденья.

Тропу расчистить, печку истопить
И за водой сходить — мне трудно что ли?
Застолье подождёт: ещё не время пить,
Сначала нужно заслужить застолье.

Сначала в лес! Мой план предельно прост:
Иззябнуть и устать — меня поймёте вы ведь?
Чтоб заслужить свой юбилейный тост,
Чтоб заслужить простое право выпить.

Полвека позади... Пришла пора стареть.
Но верю я, что сделаю немало.
Хочу простое право умереть
Своим трудом я заслужить сначала.

1984

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Мне говорят — и мне приятно это, —
Что много общего между отцом и мной.
Отца давно «зарыли в шар земной»
В тот грозный год под Сталинградом где-то.

В тот год, когда, сжигая и круша,
Враг рвался к Волге, как исчадье ада,
Отец писал в окопах Сталинграда:
— А всё же жизнь — чертовски хороша!

Мы вынесли все трудности и беды.
Теперь я старше своего отца.
Три года он не дожил до Победы,
Но за неё он дрался до конца.

И в День Победы, радостной весной,
Мы вспомним всей семьёй отца и деда.
Мне говорят — и мне приятно это, —
Что много общего между отцом и мной.

1984

ВДВ

(Возможны Двести Вариантов)

Тебя мы помним в жизни старой –
Её не скоро возвратишь –
Как ты, бывало, то с гитарой,
А то с паяльником сидишь.

Пусть каждый из твоих талантов
Растёт и крепнет – в добрый час!
Возможны двести вариантов,
Как говорят в войсках у вас.

Теперь же ты далёко где-то,
Твоя семья – солдатский строй,
И из-под синего берета
Ты с фото смотришь как герой.

Но стать грозою диверсантов
Ты сможешь скоро или нет?
Возможны двести вариантов,
И только время даст ответ.

Не назовёшь срок службы малым,
Но промелькнёт и он, как тень,
Ты будешь воином бывалым
И будешь бриться каждый день.

Твой срок отмерит бой курантов.
Как вновь мы встретимся с тобой?
Возможны двести вариантов,
И мы согласны на любой!

1990

МОЙ ДОМ

Мой старый деревенский дом...
Нет, в нём не жили богатеи,
Его купил с большим трудом
Я после бабки Секлетеи.

Зато теперь мне благодать!
Мечтаю каждую весну я,
Как в отпуск буду отдыхать,
На Лух забравшись в глушь лесную.

До устья Луха доплыву,
По Клязьме вверх, в район парома,
И после отпуск доживу
Под крышей купленного дома.

Здесь всё для отпускных услад:
Добры соседи и учтивы,
И утопает старый сад
В дремучих зарослях крапивы.

От всех забот — как за стеной.
Здесь по ночам до звона тихо,
А за шумливою Шуньёй
Встаёт зелёная Попиха.

Здесь всё, что дорого, со мной,
Чем я живу на белом свете:
Со мной жена и брат родной,
И здесь растут со мною дети.

Здесь мама иногда гостит,
Тропа друзьям моим известна.
Всех близких он всегда вместит,
И никому не будет тесно.

1990

ПЕСНЯ О ДРУЗЬЯХ

Посвящается Ю.В. Климову

Когда, на каком рубеже —
Но каждый с годами поймёт:
Уходят друзья — и уже
Их место никто не займёт.

А в юности наши сердца
Стучали о счастии нам,
Что жизни не будет конца,
Что счёта не будет друзьям.

Потери, как раны в душе,
С годами число их растёт:
Уходят друзья — и уже
Их место никто не займёт.

И с болью мы вспомним не раз,
Что лучшая часть нас самих —
Друзья, полюбившие нас,
и мы, полюбившие их.

С годами мрачней на душе,
И счастия сердце не ждёт.
Уходят друзья — и уже
Их место никто не займет.

И всё же сдаваться нельзя:
Над дружбой не властны года,
Ведь в памяти нашей друзья
Останутся с нами всегда!

1994

ПЕСНЯ О ДАЛЁКОЙ ЛЮБВИ

Мы встретились и разошлись так скоро...
И нам уже не встретиться с тобой,
Как тем деревьям у реки, которой
Их разделять назначено судьбой.

Но всё-таки любовь – всегда награда,
И, в прошлое бросая грустный взгляд,
Теперь уже высчитывать не надо:
Ты виновата, я ли виноват...

Кто связь порвал, как ветер паутинку?
Теперь уже судьбе не прекословь.
Пусть сквозь года, как солнышко сквозь дымку,
Нам светит та далёкая любовь.

1994

ДЕТСТВО

Под Новый год ждать с нетерпеньем ёлку,
Вдыхать, как счастье, хвойный аромат,
Потом стоять, заглядывая в щёлку,
Среди притихших у дверей ребят.

И двери настежь! И восторг во взгляде!
Растаял серый будничный покров,
И Дед Мороз в своей крахмальной вате
Стоит, как на пороге двух миров.

И, за порог шагая без опаски,
Встречаешь Новый год в волненье ты,
Как воплощение волшебной сказки,
Где сбудутся надежды и мечты.

1994

СОВЕСТЬ

Себе бы вовремя сказать порою: «Стоп!»
И предоставить дело многоточью,
Чтоб не гудеть, как телеграфный столб,
Не жить под напряженьем днём и ночью.

А если струсишь, промолчишь, солжёшь,
Ну, как-то смалодушничаешь, то есть,
Опять гудишь — и ночью не уснёшь,
Пока тебя не доконает совесть.

1995

КОГДА РАЗБОГАТЕЮ

Что наша жизнь? Пока – сплошной обман,
Сплошной час пик, и радости нет часа:
Пуст холодильник, как пустой карман,
Забыт в нём запах колбасы и мяса.

Но веры в чудо не теряю я,
Живу надеждой и питаюсь ею.
Как заклинанье повторяю я:
Я всё куплю, когда разбогатею!

Иду с женой на рынок – чудеса!
Всё продают, как в сказочном рассказе,
Но, побродив по рынку с полчаса,
Мы налегке шагаем восвояси.

Давно мне шапка новая нужна,
Жене – сапожки, но решили с нею,
Что шапку мне заштопает жена,
А я опять ей сапоги подклею.

С надеждой я переношу нужду,
Пусть денег нет
На лакомства и яства,
Но не сдаюсь я, потому что жду,
Когда мне с неба свалится богатство.

И веры в чудо не теряю я,
Живу надеждой и питаюсь ею.
Как заклинанье повторяю я:
Я всё куплю, когда разбогатею!

1996

ПЕРВЫЙ ГОНОРАР

А я ещё не очень стар,
Подумал я намедни,
Держа свой первый гонорар,
А, может быть, последний?

Чтоб этот день не позабыть,
С поклонниками вместе
Свой первый гонорар обмыть
Обязан я по чести.

И вот бутылок стройный ряд
Редеет постепенно,
Вокруг поклонники сидят,
Болтая вдохновенно.

А я боюсь и есть и пить,
Хоть тосты произносят:
Ведь гонорар пришли обмыть —
Стихи читать попросят.

Не зря же я к столу их звал,
Порадую их главным,
Убью их сразу наповал
Последним циклом банным.

Ну из былого, так и быть,
Прочту про что? Про это!
...Но все забыли, что обмыть
Они пришли поэта.

1997

НОВОГОДНИЕ ЧУДЕСА

Девчушка-школьница глядит во все глаза,
И нет в глазах сомненья и вопроса:
Она наивно верит в чудеса:
В Снегурочку и в Дедушку Мороза.

Она воспринимает всё всерьёз,
И мир огромный для неё так ярок!
И, засыпая, ждёт, что Дед Мороз
Под ёлкой приготовит ей подарок.

Потом промчится не одна зима
Под звон стеклянных новогодних шишек,
Она не будет ждать чудес сама,
Но будет их готовить для детишек.

1997

СЧАСТЬЕ

И снег слепит, и солнце светит ярко,
И тени синие от сосен и берёз –
Такого вот чудесного подарка
Не приносил зимою Дед Мороз.

Не замечаешь ни холмов, ни впадин –
Где скатишься, а где и упадёшь,
А воздух чист, прозрачен и прохладен,
Не дышишь им, а как напиток пьёшь.

Всё полно величавого покоя,
Лишь слышишь сердца равномерный стук, –
И если спросят: счастье – что такое?
Я промолчу и оглянусь вокруг.

1998

НАПОЛЕОН

Талант — это ответственность.

Наполеон... Велик он или нет?
Вознёсся он над покорённым миром.
Недаром он для многих много лет
Звездой был путеводной и кумиром.

Но и сомненья были неспроста:
Великим называть или иначе?
Кому даны талант и красота —
Достоин должен быть такой удачи.

Когда рождался к жизни новый строй,
Его спасая, как великий воин,
Наполеон, бесспорно, был герой
И был таланта своего достоин.

Он заслужил и славу, и любовь,
Пока не стал врагом соседним странам,
И полилась людей невинных кровь,
И стал герой захватчиком-тираном.

Для немцев ли, для русских ли людей
Он, как преступник, с гибелью явился,
Он не великий, а большой злодей —
Уж так талантом он распорядился.

4 апреля 1998

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Как прошлое хорошим назовёшь?
Жизнь омрачали и гроза, и тучки:
Бывало, трёшку у друзей стрельнёшь,
Чтоб как-то перебиться до получки.

Привыкли мы не ныть и не тужить,
Живя, как все: ни бедно, ни богато,
Но как теперь на белом свете жить,
Когда подачкой сделалась зарплата?

Нас жулики до ручки довели —
Последней время умереть надежде.
Теперь сидим с друзьями на мели,
И до получки не стрельнёшь, как прежде.

И веры нет, что легче будет впредь,
Но что нам лучше — споры раздаются:
В неволе с голоду не умереть,
Или свободным с голоду загнуться?

1998

СЛУШАЯ ВИЗБОРА

Хотя наш день наполнен суетой,
Но Визбора у нас не забывают:
Нам сердце его песни согревают,
Поскольку они дышат добротой.

Давайте его песню запоём
Про близкое и самое простое:
Про ходики и чайник со свистком,
Про милую, как солнышко лесное.

Нам близок его песенный рассказ:
В нём есть любовь, и встречи, и разлуки,
Его гитары семиструнной звуки
Мы слышим в его песнях каждый раз.

Давайте его песню запоём
Про близкое и самое простое:
Про ходики и чайник со свистком,
Про милую, как солнышко лесное.

И в космосе у нас над головой,
И на Земле мы слышим песни эти.
Живее, чем на видеокассете,
Он в них всегда останется живой.

Давайте его песню запоём
Про близкое и самое простое:
Про ходики и чайник со свистком,
Про милую, как солнышко лесное.

1998

НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ...

Начало сентября... Десятый класс
Заходит в кабинет из коридора.
Смотрю на них и думаю, что скоро
На всех постах они заменят нас.

Пока по всей стране царит бардак,
Как уберечь их молодые души?
Я верю: нас они не будут хуже,
А лучше ли?
Хотелось, чтобы так.

Дожить ли нам до радостного дня?
А им дожить — у них другие сроки.
И пусть помогут им мои уроки:
Сегодня это важно для меня.

Без поучений и без назиданий,
Как будто каждый сын мне или дочь,
Я им хочу задуматься помочь
И как-то облегчить им путь исканий.

1998

ПОД НОВЫЙ ГОД

С утра пораньше перед Новым годом
Меня немало дел по дому ждёт.
Я приступаю к радостным заботам,
А то без них и Новый год не в год.

Меня встречает лоджия морозом.
Половики похлопал, а потом
По комнатам прошёлся с пылесосом,
Теперь пишу, хоть пишется с трудом.

Но я пишу: нарезал мяса кошке,
Убрался в комнате — с меня за это спрос,
Потом почистил и сварил картошки,
Потом оделся и воды принёс.

Помог жене — сейчас ей трудно, знаю,
Когда бы мог — помог бы больше ей.
Обычный день... Но я себе желаю
Весь новый год таких побольше дней.

1998

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

И наш народ талантами богат,
И создал он великого немало:
Века звучит нам «Слово» как набат –
В нём трёх народов слышится начало.

В нем к единенью слышится призыв –
И верю я: нам суждено дождаться,
«Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся».

1998

ПОЭЗИЯ

Поэзия — сродни любви: она,
Как и любовь, не часто на пределе,
А чаще и спокойна, и ясна,
Не в страсти проявляется, а в деле,
В простом вниманье и в сиянье глаз,
В прикосновенье легком или жесте.
А сколько тихой радости для нас,
Когда мы просто остаёмся вместе.
В беде и в радости, и всё, чем мы живём,
Преображается чудесно рядом с нами,
И будни праздником становятся во всём!
Вот так в любви — вот так и со стихами.

1998

«СМАК»

А всё-таки чего-то тут не так:
Зачем нам в нашей жизни бестолковой,
Чтоб Макаревич вёл какой-то «Смак»
На пару с поэтессой Казаковой?

Здесь для рекламы нужен их талант.
Они на кухне у плиты умело,
Как приготовить плов или салат,
Показывают...
Их ли это дело?!

Уж если так — в стране дела плохи.
Какие ценности оставим нашим детям?
Ему бы петь, а ей писать стихи,
Да, видно, трудно заработать этим.

А кухня им поддержка как никак.
Пусть в смысле денег выступят удачно,
И всё-таки чего-то тут не так:
Нас учат бездуховно жить и смачно.

1998

ВСТРЕЧАЯ ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ...

Такой рубеж могу ли не воспеть я?
Могу ли я моментом пренебречь?
В преддверье третьего тысячелетья
Я должен что-то умное изречь.

О том, что всё не вечно в мире, или
О том, что жизнь трудна и непроста.
Хотя, признаться, люди плохо жили
Ещё и до рождения Христа.

И предков мы не лучше, если честно,
Из-за чего мы мучимся без сна?
Им раньше жить в пещере было тесно,
А нам квартира кажется тесна.

По существу мы изменились мало,
Об измененьях внешних я молчу:
Кому-то раньше шкуры не хватало,
Теперь не всем дублёнка по плечу.

Когда бы дело было лишь в одежде,
Но до сих пор чужда народу власть,
И убивают ближнего, как прежде,
Вот только больше стали врать и красть.

А что нас ждёт? Размножимся с годами,
Детишек, как китайцы, наплодим,
Научимся есть землю мы и сами,
Как яблоко червяк, её съедим.

1999

ГЕНИЙ

Порою скажут: подвиг, тяжкий труд.
Как он один сумел свершить такое?
И, восторгаясь, даже не поймут,
Что здесь не труд, не подвиг, а другое...

О вдохновенье трудно говорить:
Как брага, дух бунтует в бренном теле,
Здесь радость бесконечная творить,
Здесь счастье жить всё время на пределе.

И днём, и ночью, время торопя,
Немыслимое совершает гений,
В своих твореньях пережив себя,
Живя среди грядущих поколений.

1999

* * *

Сознательно в стихах я старомоден
И следовать за модой не хочу.
Ну важно ли: я моден иль не моден,
Когда, от боли корчась, закричу?

И шум дождя, и шелест листьев в роще
Стары, как мир, а им замены нет.
«Я вас люблю», — ну что быть может проще
Слов, не стареющих уж столько сотен лет!

Любимый образ, бережно хранимый,
Легко случайным словом оскорбить:
Любимая как что? Как что любимый?
Зачем их нужно с чем-нибудь сравнить?

Не то красиво, что пестро и броско,
А то, что, правдой сердце бередя,
О чувствах нам рассказывает просто,
Как шёпот листьев с каплями дождя.

1999

ЛЮБОВЬ

Я в жизни повидать успел не мало,
Маршруты выбирал не наобум:
Бродил по диким берегам Байкала,
Волн океанских слышал грозный шум.

В воде Кожима, чистой и холодной,
Купался я, как в проруби моржи.
И гнал меня не зуд туризма модный,
А смутное влечение души.

Когда зимой на Северном Урале
В палатке я лежал под бури вой,
Мне были близки и понятны дали,
В мороз на лыжах пройденные мной.

Я чувствовал себя первопроходцем вроде,
Но где бы по стране ни колесил,
Я оставался зрителем в природе
И как-то по поверхности скользил.

А вот теперь, став однолюбом, к счастью,
Встречаясь каждый год с рекой лесной,
Я чувствую себя природы частью
И жизнью с ней теперь дышу одной.

Так обаянье женское нас ранит,
И женственность волнует нас во всём,
Готовы всех любить, но час настанет —
И лишь одну любимой назовём.

1999

МОРОЗЫ

Расслабиться зима нам не даёт,
Насильно заставляя закаляться:
Морозы затяжные в этот год
Два месяца стоят и не хотят сдаваться.

С утра в тумане город растворён,
Просвечивает солнце, как сквозь воду,
И кажется, что город обречён
Пожизненно терпеть морозную погоду.

Под вечер он как будто неживой,
Стоит, окутанный морозной дымкой,
И месяц над замёрзшею землёй
На небе вымерзшем белеет тонкой льдинкой.

Как не ценить домашнее тепло,
Когда превышена морозов норма?
Но птицы — вот кому не повезло —
Дай бог им выжить без тепла и корма!

1999

* * *

Друзья мои, я быть хотел бы с вами.
Сегодня не забыться мне вином:
Я на мели, и голыми ветвями
Осина машет за моим окном.

Как будто дрожь в её древесном теле
С мечтой о близком лете и тепле.
Апрельские сугробы отсырели,
Блестят дождинки-слезы на стекле.

Мне кажется, с природой мы едины –
Общенье с ней спасает от тоски:
И мне понятна дрожь ствола осины,
И слезы мне апрельские близки.

И на душе уже светлей и легче,
И жизни цель понятна и ясна.
Я думаю: пока ещё не вечер.
Я чувствую: опять идёт весна.

2000

ПАМЯТИ ОТЦА

Мне не забыть последних тех минут,
Когда с отцом я навсегда прощался:
Я у него спросил: тебя убьют?
А он поднял меня и рассмеялся.

Поцеловал, а после, отстраня,
С улыбкой мне ответил несердито:
— Нет, не убьют: у немцев для меня
Пока ещё и пуля не отлита.

Потом утешил маму:
— Ничего,
Всё будет хорошо — не плачь, не надо!
...А пуля, что отлили для него,
Нашла его в окопах Сталинграда...

2001

СТАРИКИ

Треть народа живет за чертой бедности.
Из газет

Кричат с утра на сходке безобидной,
В предбаннике сойдясь, три старика.
Жизнь прошлая им кажется завидной,
Как всё, на что глядим издалека.

— Нам пенсии с женой — вот так хватало!
Сто двадцать РЭ — я был и пьян и сыт!
А вот теперь и тысячи мне мало,
А воровать не позволяет стыд.

— Зато живут кремлёвские хапуги,
Им не до нас — уж что и говорить!
Построили дворцы на тёплом юге,
А нас готовы голодом морить!

— Что им до нужд простого человека?
Вот ты про новых русских говоришь,
А я не воровал — я вкалывал полвека
И заработал в результате — шиш!

Чего орут? Вот собрались три психа!
Но старики поднялись между тем —
Ушли в парную — сразу стало тихо...
Нет стариков — и никаких проблем!

2001

ПОД НОВЫЙ ГОД

Пусть эта ночь пройдёт скромней и проще:
С чего нам ликовать под Новый год?
Мы тихо сядем: я, жена и тёща —
Пусть молодёжь ликует и поёт!

И мы всю ночь умели куролесить,
Желаньями наивными горя,
А вот теперь часов примерно в десять
Мы вспомним год, что прожили не зря.

Он как всегда был радостен и труден,
И было всё как будто лишь вчера,
А с фотографий близкие нам люди
Нас будут видеть с высоты ковра.

Светлей от их безмолвного участья,
А близость их — как новогодний дар!
Потом нам Путин пожелает счастья,
И год начнёт двенадцатый удар.

«Покой и воля» нам с годами ближе,
Дороже год, наполненный трудом, —
Пусть эта ночь пройдёт скромней и тише,
И пусть весь год нас радует потом.

2001

СМЕРТЬ МАРЛО

Марло — английский драматург,
современник Шекспира.

От Лондона дальше — бежать от напасти:
Чуму переждать в придорожном трактире.
Но хуже чумы, кто дорвался до власти —
От них не укрыться нигде в этом мире.

Когда это было? В окошко туманно
Заглядывал вечер, поставили свечи —
Задвигались тени под звоны стаканов,
Под пьяные песни, под пьяные речи.

Когда это было? Нахальный и бравый
Румяную шлюху и тискал, и лапал —
Стакан опрокинулся — лужей кровавой
Вино разлилось и закапало на пол.

Когда это было? Века пролетели,
Тот вечер в трактире остался в былом.
Где Глупость, и Зависть, и Подлость сидели
С поэтом Марло за единым столом.

Он тоже был пьян, но какая-то сила
Во взгляде сквозила величью сродни —
Она собутыльников пьяных бесила,
Бесило, что он не такой, как они.

Марло говорил, но мешал разговору
Заказ из полиции: спорить и пить,
Чтобы затеять с безбожником ссору,
Чтоб вольнодумца «случайно» убить.

Вспыхнуть готовы наёмные страсти:
Донос и убийство у них ремесло.
Марло говорил, что пройдохи у власти,
Что именем бога оправдано зло.

Марло говорил, что за правду карают,
Что вера слепая народу вредит.
Вдруг Глупость воскликнула: «Не понимаю!
О чём это он битый час говорит?»

«А я понимаю, — так Зависть сказала, —
Марло убеждён, что один он хорош,
Что все его хуже, ни много ни мало!»
А Подлость без слов приготовила нож.

И Глупость вскочила, роняя посуду,
И Зависть привстала, от злости дрожа:
«Зазнался, писака! Болтаешь повсюду!»
А Подлость сидела, не пряча ножа.

Марло возразил: «Вы ослепли от страха,
А страх вас лишает и воли, и сил...» —
Поэт не закончил: убийца с размаха
Под левую бровь ему ножик вонзил.

Обрызганы праведной кровью поэта
Убийцы стояли, исполнив заказ.
Когда это было?
Трагедия эта
На всех языках повторялась не раз.

2002

ВОСТОЧНЫЙ ЗВЕРИНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Дошли до нас — легенды или были —
Что Будда всех зверей собрать решил:
Двенадцати, что всех опередили,
В награду он по году подарил.

Порядок их от резвости зависел,
Но бык свалял при этом дурака:
Позволил он быть первой хитрой крысе,
Всех обогнавшей на спине быка.

Тот календарь Европой принят дружно,
Но мало нам животное назвать:
Нам этот календарь осмыслить нужно
И к жизни европейской привязать.

I. Год Мыши (Крысы)

Как понимать год Мыши?
Сидеть ли мыши тише,
А, может, дело в том,
Что умному в год Мыши
Полезней быть котом?

В год Крысы, мы признать должны:
Она не обманула —
Бежали крысы из страны,
Когда страна тонула.

II. Год Быка (Коровы)

Февральские метели завьюжили,
В стране развал, но живы мы пока,
И если уж год Крысы пережили,
То как-нибудь осилим год Быка.

Чтобы жизнь была прекрасной,
Не бесись от тряпки красной,
Не сдавайся подлецу!
С нами жизнь подчас сурова —
Быть покорным, как корова,
Человеку не к лицу.

III. Год Тигра

На узенькой дорожке
С ним встречи берегись!
Хоть тигр племянник кошке,
Ему не скажешь: брысь!

Но, к счастью, наши тропы
Не топчет этот кот:
Для жителей Европы
Не страшен Тигра год.

IV. Год Зайца

Остаться без штанов рискуем мы в год Зайца,
Рукой стыдливо прикрывая яйца,
Иль то, что есть у женщин и девиц,
На месте том, где нет у них яиц.

V. Год Дракона

Дракона в год Дракона
Бояться нет резона:
Из пасти дым, броня на теле,
Но страшен ли дракон,
Когда на самом деле
Не существует он?

VI. Год Змеи

Мы в год Змеи немного бы хотели:
Чтоб счастие светило впереди,
Чтоб в год Змеи змею мы не пригрели,
Как говорится, на своей груди.

VII. Год Лошади

Этот год что сулит вам и мне?
Как бы жить нам не стало трудней:
Поскакали по нашей стране
Эскадроны троянских коней.

Лошадиный галоп или рысь –
Что за сила в их скачке сокрыта?
Будь внимательным и берегись
Угодить лошадям под копыта.

VIII. Год Овцы (Барана)

Нас календарь не радует пока:
С концами еле сводим мы концы,
С трудом мы устояли в год Быка –
Так будем молодцами в год Овцы!

Мы год Овцы должны перетерпеть
И избегать крутого поворота,
Но не сдаваться и на жизнь смотреть
Не как баран на новые ворота.

IX. Год Обезьяны

Осознавать день изо дня
Обидно, между прочим,
Что обезьяна нам родня
И что умна не очень:
Обидно, если в этот год
Не очень умным повезёт!

X. Год Курицы (Петуха)

Кур взлёт не ждёт: недаром говорится,
Что курица — не птица.
Но донжуан — синоним петуха,
И в этом смысле жизнь не так плоха.
Мы год для тех счастливым назовём,
Кому тепло в курятнике своём.

XI. Год Собаки

Мы в год Собаки проживём без мук:
Собака человеку — лучший друг.
Но помнить должен человек, однако,
Что друг ему не сука, а собака.
И музыкою сфер звучит нам вечный зов
Созвездия не Сук, а Гончих Псов.

XII. Год Свиньи (Кабана)

Надежды наши сбудутся, быть может,
Что год Свиньи свинью нам не подложит,
Хотя, возможно, боров
Нам свой покажет норов.
Но уважают с давних пор,
Кто свинству может дать отпор.

2002

ЧТО СПАСЕТ МИР?

Мир спасет красота.
Ф.М. Достоевский

В людских поступках часто смысла нет,
Как будто люди только что родились.
Что нам три тысячи?
За сорок тысяч лет
Жить люди по-людски не научились.

И в этом переплюнули мы всех:
Досталось нам печальное наследство,
И нас спасёт не красота, а смех –
Для дураков проверенное средство.

Нам поумнеть, возможно, суждено:
С надеждами не стоит расставаться,
Пока над тем, что глупо и смешно,
Ещё не разучились мы смеяться.

2002

АНГЛОМАНЫ

Мало русский знать один лишь:
С ним карьеру не начать —
Все набросились на инглиш,
Деток стали обучать.

Ельцин в ходе разговора
говорит не «я», а «ай»:
Инглиш учит — будет скоро
Всех приветствовать: «Гуд бай!»

Вот уж точно — «перестройка»
Всех поймала на крючок!
У одной бабули бойко
Спикать стал её внучок.

А её желанье мучит
Перед близкими блеснуть —
Пристаёт: «Скажи нам, внучек,
По-английски что-нибудь!»

Внук сказал, чтобы отстала.
Бабка снова: «Погоди,
Что сказал? Я не понЯла —
Ты для нас переведи!

Ну пожалуйста, Мишуля!»
Даже гости встали с мест.
— Не обидишься, бабуля?
— Не обижусь — вот те крест!

Видит внук такое дело,
И бабуля не строга:
«Я сказал, что надоела
Ты мне, старая карга!»

2002

РАШЕН

Инглиш в наши дни не прихоть,
Как не прихоть русский мат,
Но когда все будут спикать —
Вот тогда России — мат.

День грядущий тем и страшен,
Что с родным грозит порвать,
Что нелепым словом рашен
Будут русское всё звать:

Рашен — русская природа,
Рашен — был народ иль нет,
Рашен — прошлое народа,
Рашен — мать, отец и дед.

Больно думать о народе,
Что расстался с языком,
И в английском переводе
Даже с Пушкиным знаком.

Но мечта о возрожденье
Будет душу согревать,
Если живы выраженья,
Где звучит по-русски — «мать!»

2002

* * *

Нет, моралистом быть я не берусь!
Я никого ни в чём не упрекаю:
Пить лишнее — дурной, конечно, вкус,
Но сколько это «лишнее» — не знаю!

Задумываюсь часто я всерьёз,
Что нужно ли порою суетиться,
Когда суёшь в дела чужие нос,
Но меж чужим и нашим — где граница?

Тот любит пиво пить, а тот курить,
Но что же пожелать им, если честно?
Известно всем, что очень вредно жить,
Но значит ли, что умереть полезно?

2002

* * *

«ИзБорник» мой, возможно, выйдет в свет...
Прочтёт ли кто мои стихи простые?
Появится читатель или нет?
Об этом я задумался впервые.

Кому моя поэзия нужна
В республике, в Печоре или в школе?
Моих стихов ни дети, ни жена
Ни разу не прочли по доброй воле.

Но я живу надеждою одной,
Хоть трезвый ум её порой и гонит:
А вдруг строка, слагаемая мной,
Найдёт читателя и чьё-то сердце тронет.

2002

ВСТРЕЧИ

Встречались мы уже не раз —
Нам столько лет легло на плечи,
Но что же связывает нас?
Зачем нужны нам эти встречи?

Зачем спешим друзей обнять,
Мирясь с дорожною морокой?
Нас встреча радует опять,
Как встреча с юностью далёкой.

И сердце молодо в груди
Забьётся, не боясь риска,
И всё как будто впереди,
И до конца ещё не близко!

2002

ПУСТОГОЛОВЫЕ И ДВУГОЛОВЫЕ

По всей стране из разных мест
Зовут к погромам новым.
С чего так мил паучий крест
Юнцам пустоголовым?

Откуда взялся хищный сброд,
Где злобы той начало?
Не власть ли собственный народ
Веками развращала?

Один урок из века в век
Нам жизнь преподносила,
Что беззащитен человек,
Что власть и деньги — сила.

Недаром ненависть росла
К жиревшим высшим кастам —
И крест паучий, символ зла,
В родстве с гербом серпастым.

Нет преступлениям числа,
Конца делам неправым —
И крест паучий, символ зла,
В родстве с гербом двуглавым.

2002

КРАЙНОСТИ

Я крайностей в сужденьях не боюсь:
Есть «да» и «нет», есть хорошо и плохо.
Во всём есть минус и во всём есть плюс —
Без выдоха не сделаешь и вдоха.

И в этом смысл гармонии простой,
Которая роднит тела и души,
Но там, где роскошь рядом с нищетой,
Там зависть и вражда, — а что на свете хуже?

В них вечный человечеству укор:
В несправедливости — зародыш преступленья, —
Отсюда и насилье, и террор,
А может быть, — и светопреставленье.

26 октября 2002

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мы издавна с женой,
Заботясь о здоровье,
Приходим из парной
С надеждой на застолье.

Обычный ритуал,
Кто парится по-русски:
Я выпивку достал,
Жена несет закуски.

Помогут нам сейчас
Расслабиться немножко
Селёдка — это раз,
А во-вторых, — картошка.

Нам хорошо одним —
Жизнь прожили недаром,
Сначала говорим
Друг другу: «С лёгким паром!»

Закусим — и тотчас,
Опять же ритуально,
Мы чёкнемся за нас,
А после — персонально.

«За жизнь» поговорим,
Хмелея постепенно,
За «хорошо сидим»
Мы выпьем непременно.

Обсудим у стола
(Куда нам торопиться?)
И школьные дела,
И что в стране творится.

Нам нелегко сейчас:
И цены нас «кусают»,
И трудности, что нас,
Как всех подстерегают.

Кто в жизни избежал
Несчастий и лишений?
Но быт наш — идеал
Семейных отношений.

2002

ВАРИАЦИИ НИ ТЕМУ «НОС»

О НОСЕ мы слышим немало:
Что за нос нас любят водить,
Что НОС ЗАДИРАТЬ не пристало, –
Пора НА НОСУ ЗАРУБИТЬ.
Но слово держи – КРОВЬ ИЗ НОСА!
ПОД НОС отучайся БУБНИТЬ,
СОВАТЬ НОС не нужно без спроса,
Чтоб ПО НОСУ не получить.
Беда ли случится какая,
Мужайся, НЕ ВЕШАЯ НОС,
И, ПАЛЬЦЕМ В НОСУ КОВЫРЯЯ,
Ответ не ищи на вопрос.
Начальству подарок – и С НОСА
Берут по куску – нужно дать
И бодро смотреть, а не косо:
Учись НОС ПО ВЕТРУ ДЕРЖАТЬ!
И если порою зарплата,
Как в школе, всего С ГУЛЬКИН НОС,
КРУТИТЬ всё же НОСОМ не надо –
А то не похвалит МИНПРОС.
Чтоб в жизни чего не стряслося,
Где НОС ВОРОТИТЬ – нужно знать.
Старайся хоть чуть ДАЛЬШЕ НОСА
ПОД НОСОМ своим замечать.
Старайся в гостях подтянуться:
Невежливо громко зевать,
И НОСОМ в тарелку УТКНУТЬСЯ,

И НОСОМ в тарелку КЛЕВАТЬ.
Соседу плохая услуга –
САЛАТ ИЗ-ПОД НОСА урвать,
Стрельнуть до получки у друга,
И НОСА потом НЕ КАЗАТЬ.
Обидно в каком-нибудь деле
Понять, что твой НОС НЕ ДОРОС,
Но сдержишь себя еле-еле,
Когда тебе ТЫЧУТ ПОД НОС.
Пусть ВЫСУНЕТ НОС тот, кто хочет,
Кто в деле и смел и умел,
Пусть НОСА КОМАР НЕ ПОДТОЧИТ
Под то, что ты сделать сумел.
С медведем не будешь героем,
НОС К НОСУ встречаясь в лесу,
И враг нам опаснее втрое,
Когда он у нас НА НОСУ.
Тому по заслугам награда,
Кто в силах врага одолеть:
И НОС НАТЯНУТЬ, если надо,
ТКНУТЬ НОСОМ и НОС УТЕРЕТЬ.

2003

ПЕРВОЕ ЧТЕНИЕ «РЕВИЗОРА»

Смешно звучит: Егор и Розен, –
Барон к тому же! Он писал:
Сегодня Пушкин был несносен –
Таким его я не видал.

Хоть я давно уже заметил:
Несдержан в чувствах он всегда.
Жуковский нас словами встретил:
– Я вас потешу, господа!

Я сел в углу от всех поодаль,
Жуковский радость скрыть не мог:
Сегодня нам читает Гоголь –
Садись удобней, Гоголёк!

Читал нам Гоголь «Ревизора»,
И, что касается меня, –
Мне стало ясно очень скоро,
Что это низкая стряпня.

Кривлялся Гоголь больше часа,
Я слушал, думая одно:
Кому нужна такая фарса[1] –
Всё пошло в ней, а не смешно.

---

[1] Фарса – устар., употреблялось в жен. роде.

Комизм её вульгарный, плоский,
Слог нарочито дик и груб,
Но все смеялись: и Жуковский,
И Вяземский, и Сологуб.

А я сидел и возмущался,
Мне Пушкин неприятен стал,
Когда от смеха он катался
И неприлично хохотал.

ЗОЛОТАЯ КНИГА «ПОБЕЖДЁННОГО» ГЕЙНЕ

Болезнь мне спуску не даёт,
Она давно за мной ходила –
Я знаю хорошо, что ждёт
Меня «матрацная могила».

Но нет покоя для бойца –
Не собираюсь я сдаваться,
Я буду биться до конца
И над противником смеяться.

Уже закрылся правый глаз,
А левым, хоть с трудом, я вижу
Цветущий май, последний раз
Бредя по милому Парижу.

Я вижу зелень и цветы:
Плестись до Лувра мне пришлося
К тебе, богиня красоты
С благословенного Милоса.

В конце нелёгкого пути
Для непослушных ног пиита
Я до тебя сумел дойти
С тобой проститься, Афродита.

Я, не молясь другим богам,
Тебе одной служил прилежно –
И я упал к её ногам,
И долго плакал безутешно.

Неизлечим мой злой недуг, –
Так думал я, прощаясь с нею,
И будто слышу: «Я без рук –
Помочь тебе я не сумею».

И нежен был богини взгляд
И в тоже время безнадёжен,
Но я сочувствию был рад,
Хоть оправдать его был должен.

И я сказал, пытаясь встать:
– Не верю я в мечту пустую, –
Я побеждён, но написать
Я должен книгу золотую!

2003

ШЕСТВИЕ НА КАЗНЬ

«Фантастическая симфония»
Г. Берлиоз.

Посмотреть бы вниз с соборных башен,
Как бурлит на площади народ.
Флагами и лентами украшен
Город замер и чего-то ждёт.

Стража на конях блестит оружьем,
Кони сбруей весело бренчат —
Окружают тесным полукружьем
Чёрный эшафот и палача.

И меня захватывает праздник,
Но, цепями на ногах звеня,
Вспоминаю: это всё для казни,
На которую ведут меня.

Предо мною молча и учтиво
Раздаётся грозной стражи строй.
На меня все смотрят, как на диво,
Будто я не жертва, а герой.

Забываясь, вижу без боязни
На меня глазеющий народ,
Но напоминает мне о казни
Предо мною черный эшафот.

Хоть руками поднимай колени —
Не могу шагнуть и не хочу:
Как ступить на эти вот ступени
На пути, ведущем к палачу?

Но шагаю — в теле дрожь от страха,
Думаю: не задержусь я тут —
Мысль смешна, что неудобна плаха
Голове на несколько минут.

Время будто бы остановилось,
Но его не удержать за хвост —
Я сейчас услышу, как скатилась
Голова со стуком на помост.

Ждать удара топора так страшно!
Смолкло на мгновенье всё кругом —
Мысль последняя высоко и протяжно,
Как струна, звенит под топором.

Я не убивал!
Её коснуться —
Я не мог решиться до сих пор:
Это сон — и нужно бы проснуться
До того, как упадёт топор.

2003

ГЁТЕ И БЕТХОВЕН

Лето в Те́плице. Австрийский двор...
Против знати как всегда настроен,
Прерывая с Гёте разговор,
Царедворца наставлял Бетховен:

— С этой швалью нам не по пути:
Как творцы мы с вами ближе к Богу —
Продолжаем под руку идти:
Пусть они уступят нам дорогу!

Но, по-светски вежлив и учтив,
Подчинясь неписаным законам,
Гёте шляпу снял и, отступив,
На поклоны отвечал поклоном.

Чуть рукой притронувшись ко лбу,
Против вековых придворных правил,
Как таран, придворную толпу,
Чуть кивнув, Бетховен протаранил.

Я понять Бетховена могу.
Но, когда проснулся дух в плебее,
Уступить дорогу дураку,
Может быть, достойней и умнее.

2003

* * *

Бесправье и насилье за века
Народы ничему не научили:
Ум короток и память коротка —
Опять о Сталине заговорили.

Для многих до сих пор он — божество,
Для многих лик его как лик иконы,
Они убеждены, что для него
Как божества — не писаны законы.

Он Богом был или злодеем был —
Добра и зла для всех одна граница,
И если человека он убил,
Он должен осуждён быть как убийца.

За кровь и слезы — пролитых морях,
За жертвы страшных лет военных,
За тысячи погибших в лагерях,
И за расстрелянных, и за растленных.

2003

ВОВРЕМЯ УЙТИ

Под школьной партой умереть
Себе желаю...

Б. Хватов

Еще работать думал я пока,
Но, как-то бреясь, к зеркалу нагнулся, —
Глазами своего ученика
Себя увидел я и ужаснулся.

Как я не видел раньше — не пойму,
Что мне открылось вдруг при беглом взгляде:
Лоб как у Маркса, — это потому,
Что я лысею спереди и сзади.

И, с зеркалом общаясь визави,
Я вдруг подумал с грустью: юность, где ты?
Ну как увлечь мне «темою любви»
Ученика, кому гожусь я в деды?

Что обо мне он мог вообразить?
Ему равны и сорок лет и триста —
Он может запросто меня спросить,
Видал ли я живого декабриста.

Всю жизнь я быть старался впереди,
Чтоб жизнь не оказалась битой картой.
Теперь я понял: вовремя уйти
Достойнее, чем умереть под партой.

2003

ИЗ СТИХОВ О ПЕЧОРЕ

Насилию нет оправдания,
Нет преступленьям прощения
Народу нужно Покаяние
Как очищение.

Печора — вековые дали,
Путь по болотам и лесам...
Сюда при Сталине ссылали,
Сюда себя сослал я сам.

Казалось: молодость, свобода,
Сил нерастраченных прилив...
Был Сталин мёртв четыре года,
Но рабства дух ещё был жив.

1971

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О ПЕЧОРЕ

С.П. Артемьеву, узнику Печорлага

1. РУСАНОВ

В июньскую белую ночь перед сном
На берег иду посмотреть я,
Где высятся сосны на мысе лесном
Свидетелями столетья.
Как воды Печоры, здесь годы текли
Над этой частицею Коми земли.

Увидеть медведя, оленя, лису
Здесь некому было бывало.
И дробь барабанная дятла в лесу
Привычных зверей не пугала.
Наш край вот таким первобытным и был,
Когда здесь Русанов на лодке проплыл.

Предвидя разбуженным край наш лесной,
Не мог и подумать он, глядя,
Какой дорогой и ужасной ценой
За будущий город заплатят.
Когда бы он видел несчастных удел,
Свои предсказанья он сам бы презрел.

1989

2. КАНИН-НОС

На десять лет без права переписки
Особый суд сюда меня сослал:
Сказали «мне, что я — шпион английский»,
А я об этом ничего не знал.

Мне не забыть кровавого кошмара:
И день и ночь — то пытки, то допрос...
Не помню, как везли до Нарьян-Мара,
Но помню, как попал на Канин-Нос.

Мы ни о чём охрану не просили:
«Врагов народа» никому не жаль.
Нас на баржу в три яруса грузили,
Как негров на невольничий корабль.

Кто истощен, кто болен, кто изранен, —
Нас всех в один зловонный «лазарет».
Живот мне грел своей спиной крестьянин,
А спину животом — больной поэт.

Четыре дня на нарах без матраца
Лежали мы, как серые кули.
Нас ели вши, но даже почесаться
Прижатые друг к другу не могли.

Забылся я, дыша в затылок дяди,
И снится мне: я в ледяной барже,
А пробудился — спереди и сзади —
Два мертвеца, холодные уже.

Им даже в братской не лежать могиле
В лесах печорских на краю земли —
Они обратно в Нарьян-Мар поплыли,
А их лохмотья на костре сожгли.

Под дулом автоматов доходяги
Скорей за дело! И не ешь, не спи,
Пока не возведёшь надёжный лагерь,
Где сам себя посадишь на цепи.

А после — кто убит здесь, кто затравлен —
Здесь столько крови пролилось и слез!
Где памятник Русанову поставлен
На мысе, что зовётся Канин-Нос.

1989

ДЖИНТУЙ

Лагерь в Джинтуе — один из самых страшных лагерей ГУЛАГа.

И мокрый снег с утра и до утра,
И зябнут ноги, и дубеют лица —
Приходится у жаркого костра,
От дыма прячась, греться и сушиться.

То зябнет грудь, то холодно спине,
Парит одежда там, где отсырела, —
Приходится следить, чтоб на огне
Чего-нибудь случайно не сгорело.

Останешься разутым на беду
Или пойдёшь с прожжёнными штанами.
Уж лучше согреваться на ходу,
Когда по лесу ходишь за дровами,

Потом к костру притащишь их, вспотев,
По скользкой, чуть протоптанной тропинке.
Вот разливают водку на «сугрев»
По кружкам на холодные снежинки.

С погодой нам, увы, не повезло,
Но снег и дождь — всё это нам знакомо.
Они в походе не такое зло,
Как кажется, когда глядишь из дома.

И всё-таки мы мучались не зря?
Скользя к реке по каменистым склонам,
Мы были там, где были лагеря
И где труднее было заключённым.

Для многих здесь замкнулся жизни круг,
И памятью о них в глуши дремучей
Развалины бараков и вокруг
Нить проволоки, ржавой и колючей.

Здесь много лет в лесу жила беда,
Чугунная «буржуйка» зэков грела,
Отлитая на долгие года,
Она теперь в траве лежит без дела.

1995

ПОЖИТЬ В ЛЕСУ...

Сыну М.

Пожить в лесу мечтал я с давних пор:
Река, и озеро, и близких гор громада.
Я белой завистью, как снег Уральских гор,
Тебе завидую: ты месяц жил как надо!

С утра свой день ты наполнял трудом,
Хоть твой дневник уральский очень краток,
Я жизнь твою представил день за днём —
Нехитрый твой и мудрый распорядок.

Пожить бы так, судьбу не торопя,
Закаты провожать, встречать восходы
И постоянно чувствовать себя
Частицею нетронутой Природы.

И ночью сон, и днём посильный труд,
Порой улов, пусть даже небогатый,
И радость встречи, если забредут
Бродяги-рыбаки, а не сосед косматый[1].

Потом костёр, неспешный разговор,
Как будто бы всю жизнь друг друга знали...
Пожить в лесу мечтал я с давних пор
Вот так, как ты жил месяц на Урале.

1995

---

[1] — медведь.

МОЯ ПЕЧОРА

Я не люблю высокие слова:
«Огни Печоры», «город под звездою» —
Печора наша хуже, чем Москва,
Америку я этим не открою.
Среди лесов, где царствует Борей,
А признаков весны не видно в марте,
Без тюрем сталинских и лагерей
Она не появилась бы на карте.
Пустой и грязный город. У людей
Под стать погоде лица часто хмуры,
Привыкнув к равнодушию властей,
Живём почти без признаков культуры.
Не я один так думаю — давно
Подобное я от печорцев слышу,
Но я люблю свой город всё равно,
Хоть многое в Печоре ненавижу.
Сказав люблю, ничуть я не соврал:
Как не любить печорскую природу
И вдалеке белеющий Урал,
Который виден в ясную погоду?
Из отпуска спешу я каждый раз
К родным печорцам с добрыми словами:
Людей хороших много, но для нас
Родней и ближе те, что рядом с нами.
И хоть Печору грязной я зову
И многое меня в Печоре ранит,
Как не любить мне город, где живу
И где умру, когда мой час настанет?

1998

АСИНОВСКОМУ

Включил магнитофон — услышал голос ваш —
Родного мне по духу человека.
Ведь это ж надо! Нашей дружбы стаж
За сорок лет! — уже почти полвека.

И, слушая ваш горестный рассказ,
Ловлю себя на мысли то и дело,
Как мне хотелось бы увидеть вас,
Поговорить о том, что наболело.

И вспомнить прошлое: ваш загородный дом...
Не виллу, как бы мог подумать кто-то,
Он загородный — это в смысле том,
Что на краю Печоры, у болота.

Как часто я тогда у вас бывал,
Когда тоска брала меня за сердце,
Под Новый год как спьяну танцевал,
Какие я выкидывал коленца!

С тех пор воды немало утекло,
Но загородный дом мы не забыли:
Как было в нём уютно и тепло,
А главное — как молоды мы были!

1998

В ПАРНОЙ

Знакомимся в парной:
— Борис Степаныч.
— Вася.
— А отчество?
— Васильич...
— Очень рад!
— По телику я видел вас вчерася,
Да сомневался...
— Вас смутил наряд?
В парной меня не показали — жалко!
— Ну, с веником я сразу бы узнал!
Мне и стихи понравились.
«Вот, Галка,
Его я знаю», — я жене сказал.
— Ну, с лёгким паром!
— С пивом не хотите?
— Плесните с пивом...
— Жарко! Благодать!
Вы о парной, Степаныч, напишите?
— Попробую, Васильич, написать...

1998

ГРИБНАЯ ПОРА

С утра лезет в поезд полтысячи лбов:
Кому же грибы не по нраву?
И думаешь, где же взять столько грибов
В лесу на такую ораву?

Но август в Печоре — как месяц чудес:
И с вёдрами, и с коробами
Печорцы с утра устремляются в лес,
Чтоб днём возвратиться с грибами.

Повсюду разносится крик грибников.
Ждут в чаще их, ждут вдоль опушек
И жёлтые шляпки моховиков,
И белые блюдца волнушек.

Под мхом притаиться они норовят —
На них и наступишь случайно.
А красноголовики кверху торчат
И выглядят так сексуально!

К обеду нарежешь грибов без помех
И тащишься с грузом желанным...
Грибов ежедневно хватает на всех,
Хоть это и кажется странным.

1998

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Директора шаги вдоль коридора –
Как каменная поступь командора...

Как командор был в жизни невысок,
Так и директор – жалкая фигура:
С брюшком, и лысоват, и кривоног,
Но он был САМ – он был НОМЕНКЛАТУРа!

В Печоре среди жертв и палачей
С поддержкою всесильного ГОРКОМа
Имел он штат придворных стукачей,
Ручной партком, ручного предместкома.

Он был и Бог, и Царь средь школьных стен
В кругу учителей такого рода:
Кто за спиной имел фашистский плен,
Кто членом был семьи «врага народа».

Для них исчез рубеж добра и зла.
Удел их был: покорность и терпенье...
Но оттепель хрущёвская пришла,
Как результат победного прозренья.

Ослабли вдруг партийные тиски,
Веленью времени сдаваясь поневоле,
И поколенья нового ростки
Проклюнулись тогда и в нашей школе.

И, заново достоинству учась,
Учитель стал духовно распрямляться —
И покачнулась командора власть,
И рухнула, чтоб больше не подняться.

1999

РЕСПУБЛИКА КОМИ

На карте Родины в республики границы
Когда-нибудь внимательно вглядись:
Как силуэт летящей в небе птицы,
Она свободно устремилась ввысь.

Её полётом можем мы гордиться,
Свой труд ей принося как лучший дар,
Печора наша — пёрышко той птицы,
А сердце этой птицы — Сыктывкар.

2000

ПОЧЁТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ПЕЧОРЫ

Уж скоро плешь добавится к сединам,
Но, слышал я, хотят на склоне дней
Меня признать Почётным гражданином
Печоры, новой родины моей.

Судьбу свою мы выбираем сами –
Приехал добровольно я сюда,
И крепко врос с тех пор в неё корнями,
И не расстанусь с нею никогда.

Года летели перелётной птицей
Над молодой Печорою моей.
За сорок лет я стал её частицей,
За сорок лет меняясь вместе с ней.

Но время нас по-разному меняет:
Печора начиналась с лагерей,
Теперь она с годами расцветает,
А я с годами становлюсь старей.

Я о Печоре думаю с любовью,
Здесь обрету я вечное жильё
В земле, политой лагерною кровью
Почётных граждан, строивших её.

2000

ВЫПУСКНИКАМ

Нас в жизни ждут отмеренные сроки.
Я в ресторан идти не собирался:
Вас как учитель встретив на уроке,
Я на уроке с вами распрощался.

Что будет достиженьем, что утратой —
Поймём с годами поздно или рано:
Вы встретили меня за школьной партой
И за столом проститесь ресторана.

К вам не прийти я был уже не в силе:
Сомнения мои отпали разом,
Когда меня вы трижды пригласили
И я бы мог обидеть вас отказом.

За партой, за столом ли ресторана
Слова напутствия мои всё те же:
Желаю вам учиться непрестанно,
А в ресторан ходить — как можно реже!

2002

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ

Близка мне первозданная природа,
Леса печорские особенно близки,
Где смотрят из зелёного болота
Морошкины янтарные глазки.

Листвы опавшей горьковатый запах,
На соснах золотых следы смолы,
И чуть видны в темно-зелёных лапах
Столетних елей мшистые стволы.

И блюдечки волнушек у опушки,
И россыпь шариков, где заяц протрусил,
И вспоминается, как перед смертью Пушкин
Моченую морошку попросил.

Печорский край! Я всем тебе обязан:
Кого люблю и кем я сам любим,
И то, что Пушкин с ним случайно связан,
Ещё сильней меня сближает с ним.

2003

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО ЕЛЬЦИНА

Составили граф А.К. Толстой и учитель Б.С. Хватов

Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет.
Нестор, летопись, стр. 8

Часть вторая

Первая часть в сочинениях графа А.К. Толстого.

1963–1991

1

Я наконец решился:
Начну писать с тех дней,
Когда остановился
«Раб божий Алексей».

2

Начав писать отважно,
Он всё-таки в стихах
О многом очень важном
Совсем не «написах».

3

Мой сказ не будет краток
О том, как много лет
Боролись за ПОРЯДОК,
Которого всё нет.

4

Но если я, возможно,
Не всех коснусь сторон
Или не так, как должно, —
Заранее — пардон.

5

Сначала — упущенье,
Существенно оно:
Как ветер Просвещенья
Ворвался к нам в окно.

6

Решение простое:
Окошко топором
В глухой стене застоя
Прорублено Петром.

7

Он положил начало,
И с тех петровских пор
У нас привычкой стало
Хвататься за топор.

8

Пусть кто-то негодует —
Вины Петра в том нет
За то, что нам надует
В окно за триста лет.

9

От имени народа
Пошли на царский трон:
«Для крепостных — свобода!
Для всех — один закон!»

10

Сибирью был остужен
Дворян мятежных пыл,
Но, к счастию, разбужен
При этом Герцен был.

11

Ему пришлось не сладко,
Когда сказал: «Мерси,
Мне кажется, порядка
Не видно на Руси!»

12

И в Лондон без оглядки
Бежал, чтоб вольным быть
И там про беспорядки
В колокола звонить.

13

Он трон скрипеть заставил,
Он много лет подряд
Ребром упрямо ставил
Вопрос: «Кто виноват?»

14

Царизм был прочен, вроде,
Других учил уму,
Пока буржуй по морде
Не дал ему в Крыму.

15

И закачалось зданье...
«Что делать?»— был рефрен.
Все жили в ожиданье
Грядущих перемен.

16

Кому за это слава?
Кого благодарить?
Но крепостное право
Пришлося отменить.

17

Помещики едва ли
Обидеться могли:
Крестьянину не дали
Ни воли, ни земли.

18

Всех резче Чернышевский
Ввязался в этот спор:
«Эй, житель деревенский!
Берись-ка за топор!

19

Потом по новой вере
Без лишнего труда
Всех сделает добрее
Разумная среда».

20

Как просто и как скоро!
Ломися напролом,
Сомнения и споры
Решая топором.

21

Не всем призывы эти
Пришлися ко двору:
Роман «Отцы и дети»
Был вызов топору.

22

А Достоевский первый
Увидел бунта край:
«Одной невинной жертвы
Не стоит даже рай!

23

Для гордого — смиренье,
Террор — игра с огнём,
В насилье — преступленье
И наказанье в нём.

24

Нельзя стремиться к славе
Кровавою тропой,
А жертвовать мы вправе
Не ближним, а собой.

25

Зовут нас пылкой речью,
Не беря в расчёт
Натуру человечью,
А в ней и Бог и Чёрт!»

26

И всё же, если честно,
Свобода — не пустяк:
В стране возникли земства
К порядку — первый шаг.

27

Страну преобразили
Реформы там и тут,
А главное — в России
Возник наёмный труд.

28

Но хочется пришпорить
Истории бока,
Движение ускорить,
Быка взяв за рога.

29

О мощь народа! Где ты?
Как Русь толкнуть вперёд?
И вот интеллигенты
Отправились в народ.

30

Но раздувать пожары
Они старались зря:
Мужик не верил: «Бары,
А супротив царя?»

31

«От бар дождёшься ласки!
Все их посулы — пшик!
Вот если бы, как в сказке,
Царём свой брат — мужик!»

32

Но власть самодержавья
И самодурства власть
Посеяли бесправье,
А с ним — к насилью страсть.

33

А тупость царской власти,
Всем видимый позор
Лишь разжигали страсти
И вызвали террор.

34

Как ради лучшей доли,
Насилие творя,
Назвать «народной волей»
Охоту на царя?

35

В чём смысл? Чего хотите?
И бомб зачем броски?
Был царь-освободитель
Разорван на куски.

36

Настал, как говорится,
Период непростой.
«Нет, этак не годится», —
Подумал граф Толстой.

37

«Нет, этак не годится:
Бороться, восставать —
Боролись за границей,
А толку не видать!»

38

«Нам нужно опрощаться,
Стать ближе с мужиком —
Давайте разуваться
И бегать босиком!»

39

Полвека шла работа,
А пользы на пятак.
Должно быть, мы чего-то
Всё делаем не так.

40

Ума искать не стыдно —
Что думать да гадать?
Опять без немцев, видно,
Порядка не видать.

41

Случалось ведь и дедам
Им кланяться не раз —
Пусть нам своим советом
Поможет Карла Маркс.

42

Мол, правду вам скажу я:
У вас, как и у нас,
Могильщик у буржуя
Один рабочий класс.

43

Чтоб был порядок прочен,
Чтоб было вольно жить,
Втолкуйте-ка рабочим,
Кого им хоронить.

44

И начало сбываться
Всё, что предвидел Маркс:
Порядком заниматься
Решил рабочий класс.

45

Царя просил он робко:
«Нас грабить не вели», —
Но царь был глуп, как пробка,
И дал команду: «Пли!»

46

Огнём был гнев разбужен:
«Мы мирно шли, кажись,
А ты велел из ружей?
Ну, мать твою, держись!»

47

«Ты, как кобель, на страже
Всех тех, кто нас гнетёт —
Уж мы тебе покажем:
Кровавый пятый год!»

48

Зло и в делах, и в слове,
Народ от гнева пьян.
Что крови-те, что крови,
Как море-окиян!

49

Деревня грабит, режет,
В любом углу глухом
Мужик себя потешил
Красным петухом.

50

И даже трус, смелея,
Восторженно орёт:
«Долой царя-злодея!
Да здравствует народ!»

51

То страх, то смуту сея,
Земной колебля шар,
Пыхтела мать-Рассея,
Как старый самовар.

52

Пришлось царизму туго —
Кругом в стране разбой,
Но «лебедь, рак да щука»
Тянули вразнобой.

53

Итог, конечно, куцый,
Но не пропал протест:
Началом конституций
Был царский манифест.

54

И вот на самом деле
Мы на Святой Руси,
Хоть думать не умели,
До Думы доросли.

55

Что было бы — загадка:
Столыпин — мудр и смел,
Но даже он порядка
Достигнуть не успел.

56

Чу! Слышен плач солдаток
Свист пуль и пушек вой:
В Европе беспорядок
Начался мировой.

57

Из-за богатых бестий,
Из-за богатств чужих
В окопах гнили вместе
Рабочий и мужик.

58

«Кровь нашу вечно что ли
Пить будет царь-вампир?
Даёшь земли и воли!
Даёшь народам мир!»

59

Проснулись люди, словом,
Их ненависть росла,
Россия бунтом новым
Беременна была.

60

Быть в роли акушерки
Ильич уже привык:
В своей лужковской кепке
Он влез на броневик.

61

И в этой карусели,
Охмурив народ,
Большевики сумели
Свершить переворот.

62

Судьба решилась наша,
А Ленин, став вождём,
Всё делал так, «как Саша»,
Но шёл «другим путём».

63

Он стал без проволочек,
Как опытный злодей,
Казнить не одиночек,
А тысячи людей.

64

Невзрачная фигура,
Картавый разговор:
«Наш метод — диктатура,
Насилье и террор!

65

Вы лучшей доли ждёте?
И мы вас поведём —
Считайте, что идёте
Вы правильным путём!

66

А тёти или дяди —
Все к стенке становись,
Кому в рабочем стаде
Не хочется пастись!

67

Кто против диктатуры,
Тот враг иль ренегат:
Пусть даже цвет культуры —
Коленкою под зад!»

68

Легко усвоить фразу,
Легко оскалить пасть —
И Шариковы сразу
Забрали в лапы власть.

69

Вовеки не простится
Ни Богом, ни людьми
Расстрел царя с царицей,
С прислугой и детьми.

70

Конечно, Ленин — гений,
И я сказал бы так:
Он жертва заблуждений,
А не злодей-маньяк.

71

Жизнь всяких планов злее:
Не мог предвидеть он,
Что ляжет в Мавзолее,
Как новый фараон.

72

Но вот поворотили
Фортуны колесо:
Явился Джугашвили –
По прозвищу Сосо.

73

Но больше имя Сталин
Запомнила страна:
При нём у нас настали
Другие времена.

74

В речах был Сталин краток,
Зато в делах – крутой:
Уж он завёл порядок
Что только ой-ой-ой!

75

Напомним без оглядки
И малым и большим
Фашистские порядки,
Диктаторский режим.

76

Когда у многих стыла
Кровь в жилах по ночам,
Когда раздолье было
Чекистам-палачам.

77

Когда забудь вопросы,
Когда про всё молчи
И взапуски доносы
На ближнего строчи.

78

Когда людей судили
За громкий разговор,
Когда производили
Искусственный отбор.

79

Когда безвинно свой же
На север попадал –
Сейчас костей там больше
Под рельсами, чем шпал.

80

Лились и кровь, и слезы –
Солёные моря –
Сгоняемых в колхозы
Как в полулагеря.

81

Что крылось за улыбкой,
Когда решал тиран
И голодом, и ссылкой
Искоренить крестьян?

82

И в это время сучье
Нельзя сказать подлей:
«Теперь жить стало лучше,
Жить стало веселей».

83

(Тогда, году в тридцатом,
Вождю и тем, кто близ,
В Кремле, отдельно взятом,
Построен коммунизм).

84

В уединенье строгом,
Где прятался, как трус,
Казался Сталин Богом,
Бессмертным, как Иисус.

85

Идёт в глуши забытой
Собранье — мудр и строг —
Он здесь с почётной свитой
Незримо, словно Бог.

86

Но плохи были боги —
Держались неспроста
Зубами, как бульдоги,
За тёплые места.

87

Открылася изнанка
Слов громких: ну и ну —
С винтовкой против танка
Мы начали войну.

88

Кошмар фашистских орд вдруг
Над Родиной возник,
Настал бы смертный ОРДНУНГ,
Удайся им БЛИЦ КРИГ.

89

Как боль народа взвесить?
Пришлось из-за него
Отдать Иванов десять
За Фрица одного.

90

Поэт — политик скромный:
Он видит дождь, грозу
И целый мир огромный
Сквозь детскую слезу.

91

Где преступленья века
Скрывают горы зла,
Судьбою человека
Он меряет дела.

92

А Сталин год от года
(Правленья срок не мал)
Судьбу всего народа
Калечил и ломал.

93

Те факты не случайны,
Сказать о них пора,
Пора открыть все тайны
Кремлёвского двора.

94

Нам многое известно —
Всё скрыть не удалось:
С семнадцатого съезда
Лакейство началось.

95

Потоки восхвалений,
Гипербол и прикрас:
«Нам кажется, что Ленин
На съезде среди нас!»

96

Согласно стенограмме,
Был автором тех слов,
Как знаете вы сами, —
Шут Сталина — Хрущёв.

97

В честь Сталинской персоны
Затратила страна
Камней и бронзы — тонны
И горы полотна.

98

Был лик его знакомым:
Иконам нет числа.
Вдруг смерть его, как громом,
Народы потрясла.

99

Всё замерло сначала,
Казалось: пропадём!
Но жизнь менялась мало
И шла своим путём.

100

Как боги, два злодея
В гробнице улеглись,
А наверху лакеи
Уже за власть дрались.

101

Вскормил их шайку Сталин —
До власти каждый лют!
Был Берия объявлен
Как враг и старый плут.

102

«Мы Берию накажем! —
Сказал мужик в те дни, —
Пускай в колхозе нашем
Живёт на трудодни!»

103

И вот бразды правленья
В стране Хрущёв берёт,
Точнее, не правленье,
А просто анекдот.

104

Простецким он казался,
Мог «сбацать» гопака —
Вот так народ дождался
На царство мужика.

105

Он при вожде ловчился,
Когда же править стал,
То первым помочился
Ему на пьедестал.

106

О культе мы узнали —
Хрущёв весь мир потряс.
Из Мавзолея Сталин
Был выдворен тотчас.

107

Втроём, мол, будет тесно:
Он, почести любя,
При жизни это место
Готовил для себя.

108

Шла смена караула,
И притаилось зло,
И оттепель дохнула
Надеждой на тепло.

109

Война — всегда учитель:
Она урок даёт —
Народ-освободитель
Теперь уж был не тот.

110

И вот один из тысяч,
Незримый до поры,
Пришёл Иван Денисыч
Из каторжной норы.

111

Его простые были
Вдруг потрясли умы:
Как мы наивны были!
Как слепы были мы!

112

И вдруг для всех открылось,
Какой в стране разор:
Деревня превратилась
В сплошной Матрёнин двор.

113

Но скоро эта тема
Попала под запрет:
Незыблема система,
Хоть Сталина и нет.

114

Жива его закалка —
Она крепка в иных,
Им служит, как шпаргалка,
Ряд истин прописных:

115

«Быть коммунистом — это
Знать хорошо одно,
Что в каждом деле где-то
Есть главное звено.

116

А если ты у власти,
А сам ни в зуб ногой,
Хватай всю цепь на счастье,
Тяни конец любой!»

117

«По собственному вкусу
Я дело поверну:
Отдам под кукурузу
Советскую страну.

118

За год согласно планам
Нам этот труд поднять,
Америку тогда нам
Раз плюнуть обогнать!»

119

Ах, кони, чудо-кони!
Промчимся с ветерком!
Америку обгоним
По мясу с молоком!

120

Но не растёт упрямо
Волшебное зерно.
Потом была Программа —
Ещё одно «звено».

121

Нас в коммунизм тогда же
Вести хвалился он
И разувался даже
На сессии ООН:

122

«Ни от кого не скроем —
Пусть знает целый свет,
Что коммунизм построим
Мы через двадцать лет!»

123

Знакомая картина?
И даже срок знаком:
Ну как тут Насреддина
Не вспомнить с ишаком?

124

При нём сверх всякой нормы
Одна другой глупей
Посыпались реформы
На головы людей.

125

Под стать набегам древним,
Что шли на Русь с бедой,
То упразднят деревни,
А то зальют водой.

126

С чиновничьим упорством
Свели всего за год
Безмозглым крохоборством
В деревне частный скот.

127

В союзе серп и молот,
Но странная судьба:
Попёр крестьянин в город
На лёгкие хлеба.

128

Россия обнищала,
Приходится признать,
И хлеб, что продавала,
Вдруг стала закупать.

129

Понять нельзя поныне
Нам, гражданам простым,
Как мог он Украине
Отдать российский Крым?

130

Пылить стал новый веник,
Лились и лесть, и ложь:
Обман с реформой денег
И с займами грабёж.

131

Хрущёв себе на го́ре
Поехал на курорт —
Пока купался в море,
Созрел переворот.

132

Прошёл он мирно внешне:
Без выстрелов и ран.
Его возглавил Брежнев,
Кремлёвский интриган.

133

Хрущёв был неспособен
Соратников постичь —
Настал период Лёнин,
Он тоже был Ильич.

134

Откуда он и кто там —
Народ его не знал.
Он пищи анекдотам
Сначала не давал.

135

Не зацеплялось в слове
Сначала ничего,
Ну разве что про брови:
Они у Лёни — во!

136

Солиднее и строже
У нас лишь Сталин был.
И всё молчал, но всё же
И он заговорил!

137

И завертелось снова —
Хватайся за живот:
У Лёни что ни слово,
То новый анекдот.

138

Он думал по-марксистски,
Но как сказать — не знал,
Когда систему сиськи
Народу предлагал.

139

Ему всё было лестно:
И орден, и портрет,
Когда он начал в детство
Впадать под старость лет.

140

Увлёкшись, как игрою,
Себя он награждал:
То звание Героя,
То Маршала давал.

141
Не человек — картина,
Ему не удалось
Одно «Кольцо Бенина»
Себе повесить в нос.

142
Как в рот набрав мочалки,
Уж где тут выступать!
Не мог он без шпаргалки
И «здравствуйте» сказать.

143
И славит прихлебатель,
А их у Лёни рой,
Что Лёня и писатель,
И Маршал, и Герой:

144
«Лишь в правде наша сила,
Признаем, не юля:
Судьбу войны решила
Лишь Малая Земля!»

145
Загнуть бы впору матом!
Какой-то дикий бред:
Он стал лауреатом,
А Паустовский нет!

146
При нём пошли порядки:
Лились потоки лжи,
И воровство, и взятки,
Хоть за руки держи.

147
Кто против — тех за глотку:
Свои со всех сторон,
И в тюрьмы за решётку,
Насилуя закон.

148
Не люди, а отродья!
Мог областной сатрап
В охотничьи угодья
Возить продажных баб.

149
Спасите наши души -
Течёт спиртная муть!
Одна шестая суши
Готова утонуть.

150
Везде всего нехватка,
Порой хоть сам воруй.
Такого беспорядка
Не вынес бы буржуй.

151

Ну как не материться
В такие времена,
Когда одну столицу
Кормила вся страна?

152

А после сумки-сетки
Страна назад везла,
Как нищему объедки
С барского стола.

153

Убыток ежегодный,
А рост доходов — дым.
Социализм подобный
Назвали «развитым».

154

А власть, как в бурю судно,
Людишек треплет всласть.
Нам и представить трудно,
Как развращает власть.

155

Избранников тасуют
В начальственном кружке,
А люди голосуют
За «котов в мешке».

156

Тот, в ком ума палата,
Не лучше дурака:
У нас для депутата
Всего важней рука.

157

Сидит, скрывая скуку,
Таращит в зал глаза
И поднимает руку
Лишь при словах: «Кто за?»

158

В потоке славословий
Не сразу разберёшь,
Где штамп привычный в слове
Искусно прячет ложь.

159

В официальном стиле
Давно дурак и плут
Язык наш превратили
В сплошной словесный блуд.

160

Мы притерпелись к слову,
Нас не бросает в дрожь,
Что очень комсомолу
Мешает молодёжь.

161

Мешают школе — дети,
Правительству — народ:
Так всё на белом свете
Пошло наоборот.

162

Дремли в забвенье сладком,
Хвали всё, что не так,
Зови развал — порядком
И нормою — бардак.

163

Кого призвать к ответу?
Молчит у нас закон,
Готовы всю планету
Мы выжать, как лимон.

164

Погубим всё навеки,
Любой ценой — доход?
Мы превращаем реки
В стоки нечистот.

165

Следы «работы» зримы,
Мы ломим на ура,
Природу покорим мы
Под стуки топора.

166

Подход наш одинаков —
Всё силою решить:
То венгров, то поляков,
То чехов «учим» жить.

167

Смотреть до боли жалко,
Кого на помощь звать?
Страна — сплошная свалка,
И всем на всё плевать.

168

И всем советским стадом
Тащился наш народ,
Упорно пятясь задом,
Считая, что вперёд.

169

Невежественной своре
Ограничений нет —
Для них бульдозер в споре —
Весомый аргумент.

170

И ради партинтрижек
(Россия, что с тобой?)
В Афганистан мальчишек
Ты гонишь на убой.

171
Туда — живые люди,
Навстречу им — гробы!
Так долго ли мы будем
Покорны, как рабы?

172
На страже лжи и мрака
Безжалостное зло,
Но, мыслящих инако,
Движение росло.

173
Всех не сломаешь властью
И рот всем не заткнёшь,
И за границу, к счастью,
Всех честных не сошлёшь.

174
Споткнулись чудо-кони,
А может, их и нет?
Но в это время Лёня
Покинул белый свет.

175
Гроб на лафете пушки
Смотрела вся страна:
Пред гробом на подушках
Медали, ордена...

176
Вещественным укором
Тянулись чередой —
Вот так пред Черномором
Рабы шли с бородой.

177
И, подойдя к могиле,
(Страну прошиб озноб),
Со стуком уронили
В могилу пышный гроб.

178
Зарыли и забыли —
И Лёня был таков.
За ним похоронили
Ещё двух стариков.

179
Держали не у дел их
В надежде переждать,
И «Домом престарелых»
Кремль стали называть.

180
Доступны им лишь страсти
Общения с врачом.
Но тут кормило власти
Взял в руки Горбачёв.

181

Номенклатурный лидер
В тот судьбоносный час,
Конечно, не предвидел,
Что ожидает нас.

182

На гласность, как лекарство,
Надеялся он, вскрыв
На теле государства
Раздувшийся нарыв.

183

Щедринские фигуры —
На них не жаль строки:
Какие помпа-дуры
И помпа-дураки!

184

Сначала нам казалось:
Немного и чуть-чуть,
Застой осилим малость
И снова — светлый путь.

185

Задать головомойку
Тому, кто отстаёт,
Ускорить Перестройку —
И с Партией — вперёд!

186

«Наш путь в коммуну гладок,
Нас не свернёт никто:
С количеством — порядок,
Лишь с качеством — не то.

187

Но мы заявим громко:
Наладим всё за год!
Сначала — госприёмка,
А после — хозрасчёт».

188

По весям и заводам
Генсек пошёл как в бой,
Беседовал с народом
(Точнее, сам с собой).

189

Мол, Партия свободу
И все права людей
Вот-вот отдаст народу
По милости своей.

190

«За дело! Дружно! Ну же!» —
И «глупый наш народ»
Опять развесил уши
И снова чуда ждёт.

191

Мы начинали бойко,
Но скоро вышел пар:
Скончалась Перестройка,
И начался базар.

192

Непросто умудриться
Всё в очередь иметь:
Родиться и жениться,
Болеть и умереть.

193

Ты, «очередь», — находка,
Тебя, как и «талон»,
Добавил к слову «водка»
Российский лексикон.

194

«Великий и могучий»,
Опора в пору бед,
Под гром паденья с кручи
Ты оставляешь след.

195

Воспеть Коммуны дали
Способен лишь Барков:
Похоже, что мы стали
Страною дураков.

196

И в праздник по привычке
Не выпьешь на Руси —
С утра попей водички,
Талоном — закуси!

197

Но тут, как нож под сердце,
Крутой являя нрав,
С ЦК поспорил Ельцин,
И был, казалось, прав.

198

Мужик, крутой и жёсткий,
Поднялся не таясь,
И коммунизм кремлёвский
Он изнутри потряс.

199

Но заперты ворота,
Всё также на стене
Недвижный, страшный кто-то
Считает нас в стране.

200

И наши разговоры
Ему как ветерок —
Сорвать с ворот запоры
И Сахаров не смог.

201

На съезде ряд за рядом —
Попробуй свороти!
Всем хрюкающим стадом
Сидели на пути.

202

Преступников законы
Хранят от всяких бед:
Украли миллионы —
А виноватых нет.

203

Скрываясь за покровом
Псевдозаконных слов,
Из Гдляна с Ивановым
Кто сотворил козлов?

204

В надежде на стихию
И сёл, и городов
Зовут «спасать Россию»
И снова «бить жидов».

205

Знакомые химеры?
Но сеют эту чушь
Даже «инженеры
Человечьих душ...»

206

И продолжают нравы
Катиться под уклон,
И нет на зло управы,
Безмолвствует закон.

207

Уж так в России вышло,
Что нет гражданских прав —
У нас закон что дышло:
Кто в силе, тот и прав.

208

Законы не сегодня
Такие родились:
Они односторонни
И давят только вниз.

209

И веры в обещанья
Уже в народе нет:
Такого обнищанья
Давно не видел свет.

210

Сулят тарелку супа,
Ночлежку в трудный час —
Ну почему так глупо
Всё на Руси у нас?

211

Погрязли мы в пороках,
Нам ложь сквернит уста,
Мы верим в лжепророков,
И в чёрта, и в Христа.

212

Научные обноски
Напяливает «маг»,
Всех лечит Кашпировский,
Дурачит всех Чумак.

213

Ни юмор, ни сатира —
Ничто нас не берёт:
Не сотворить кумира
Не может наш народ.

214

Предвижу без натяжки,
Каких нам ждать услад
От конкурса «Мисс ляжки»
До конкурса «Мисс зад».

215

Всей Африке на диво:
Как может наш народ
По два презерватива
Тянуть на целый год.

216

Но есть и достиженья,
И мировой успех:
На душу населенья
Абортов больше всех!

217

Вот так невзрачный с виду-с
За наш советский век
Явился ХОМО-СВИНТУС —
Советский человек.

218

На дармовщинку падок,
Он для себя успел
В стране создать «порядок» —
Союзный беспредел.

219

ГК — сычи и совы,
Номенклатурный сброд,
За дачный хлев готовы
В крови топить народ.

220

Вернуть всю власть в надежде
Пошли от стен Кремля,
И Партия, как прежде,
Стояла у руля.

221

Но перестройки годы
Перепахали нас,
В сердцах ростки свободы
Раскрылись в грозный час.

222

Всего четыре года
Без мировой войны,
А не узнать народа
И не узнать страны.

223

Прославленный маэстро
От многих важных дел:
От дома, от оркестра —
В Россию прилетел.

224

Он заменил впервые
Смычок на автомат,
Чтоб в эти дни глухие
Сражаться как солдат.

225

Сражаться — долг и право
Всех доблестных сердец.
Он назывался Слава
Как рядовой боец.

226

Но в эти дни, к несчастью,
Пришлось и тех узнать,
Кто бредит прежней властью
И руку рад лизать.

227

В крови у многих рабство,
Ничто их не берёт:
Кто ждёт царя на царство,
Кто Сталина зовёт.

228

И Горбачёву путч их
Помог, и он прозрел:
«Каких гадюк вонючих
Я на груди пригрел!»

229

И, вырвавшись из плена,
Сказал как на духу:
«Теперь я знаю цену,
Кто друг, а кто есть ХУ».

230

Твердил он повсеместно,
Что сам был ни при чём,
Хоть из того же теста
Был Партией печён.

231

Теперь чеши в затылке,
Что часто был не смел,
Что джина из бутылки
Лишь выпустить сумел.

232

То был не первый случай,
У нас одна беда:
Мы думаем как лучше —
Выходит как всегда.

233

Гадать я не беруся,
Какой нас ждёт удел,
Но Президент Союза
Остался не у дел.

234

Ослабил центр давленье —
«Не упустить момент,
Чтоб вплоть до отделенья, —
И чтобы Президент!»

235

Копилось год за годом,
В том Кремль был виноват:
Осточертел народам
Кремлёвский «старший брат».

236

На русских смотрят хмуро:
«Для нас своя земля —
Не нужно нам гяура,
Не нужно москаля!»

237

С республик взятки гладки:
Пошли своим путём —
У всех свои порядки
В курятнике своём.

238

А общество худое,
Исправиться стремясь,
Как человек с запоя:
Сначала мордой в грязь.

239

В натуре русских лихость,
Упорны мы в труде,
Но где же деловитость
И аккуратность где?

240

Века мы от Европы
В культуре отстаём:
Мы всё ещё холопы
В отечестве своём.

241

Нас ждут ещё утраты,
И что ни говори,
Мы слишком азиаты,
Мы слишком дикари.

242

А стадо — это стадо:
Свободу обрести
Ещё полдела — надо
Сначала дорасти.

243

На протяженье века
Мы видели не раз:
Натура человека
Зависит не от нас.

244

Власть — это не игрушки,
Там деятель иной
Дорваться до кормушки
Готов любой ценой.

245

Он благ своих на страже,
Всегда в России так,
Что государство наше —
Народу первый враг.

246

Вельможами столицы
И сворою писак
Был выслан Солженицын,
Затравлен Пастернак.

247

Как тунеядец Бродский
Был сослан на пять лет,
А повод идиотский:
За то, что он — поэт!

248

А сталинизм всё в силе,
Вершит страны судьбу —
Его не пригвоздили
К позорному столбу

249

И всё ещё в фаворе
Преступник всех времён:
Номенклатурной своре
По духу близок он.

250

Над всей страною тучи,
Ах, как был прав поэт:
Наследники живучи,
Хоть Сталина и нет.

251

Так пусть по крайней мере
Воздастся им и нам
На свете том — по вере,
На этом — по делам.

252

А мне одно известно:
Как ни темно вокруг,
Что должен — делай честно
Не покладая рук.

253

История к тому же
Недаром учит нас,
Что в прошлом даже хуже
Случалось жить не раз.

254

Как ни тасуй колоду —
Хоть в масть или не в масть,
Расхлёбывать народу
Всё, что заварит власть.

255

А если свяжут крылья —
Не полететь орлу,
И никогда насилье
Не приведёт к добру.

256

Едины в чём-то все мы —
И это наш позор,
Что в жизни все проблемы
Решал за нас топор.

257

СОГЛАСНО НАШИМ НРАВАМ
НАМ ЗАМЕНИТЬ ПОРА
ТОПОРОМ ДВУГЛАВЫМ
ДВУГЛАВОГО ОРЛА.

258

А кто за всё в ответе —
И сам не знаю я:
«Стремится жизнь, как ветер,
На круги своя».

259

Теперь скажу я кратко,
Прозрев не без труда:
У нас в стране порядка
Не будет никогда.

260

И никаких загадок:
Давно понять пора;
Что русский наш порядок —
Синоним топора.

261

Любить отчизну мало
За то лишь, что ты сыт:
Там Родины начало,
Где Гордость, Боль и Стыд!

262

Бумаги не жалея
На этот вот сюрприз,
Продолжить Алексея
Отважился Борис.

263

Вступив на путь опасный,
Я летописный слог,
Как Нестор беспристрастный,
Использовать не смог.

264

Несдержан был на слове,
Искал источник зла
И осуждал сурово
Дежурного козла.

265

Шло тяжело прозренье
И слаб был правды свет,
Зато моё творенье —
Свидетель трудных лет.

266

Истории страницы
Листал пристрастно я,
Мне в этом Солженицын —
Единственный судья.

267

Близка в моей тетрадке
Последняя строка —
Про новые порядки
Я помолчу пока.

268

Ведь к лучшему меняться
Нам не даёт Москва,
Но трудно удержаться —
Добавить слова два:

269

Позор наш помнить будут —
Его забыть нельзя:
Зачем простому люду
Чеченская резня?

270

И хоть война сегодня —
Для всех — кромешный ад,
Никто в чеченской бойне
Опять не виноват!

271

Теперь, спасая нервы,
Замкну свои уста
В год девяносто первый
От Рождества Христа.

2001

КОНЕЦ СВЕТА

Маленькая трагедия

На небесах
Господь, Иисус, потом архангелы Гавриил и Рафаил.

И и с у с

Вы, батюшка, не можете без дел?
Грех в воскресенье заниматься делом!
А нимб на Вас заметно потускнел —
Позвать бы Мишку — пусть почистит мелом.

Г о с п о д ь

Ты, Суся, под руку не суйся!
Нимб потускневший — Богу не укор.
Вон твой блестит — сиди в нём и красуйся,
А мне мой нимб всю лысину натёр.
Катись-ка ты подальше с этим мелом!
А нимбом пусть рога украсит чёрт.
Тут вечность коротка, чтобы заняться делом —
Творишь, творишь, а дел невпроворот.
Меня к делам всечасно, как на бой,
Толкает созидания пружина...

И и с у с

Жизнь, батюшка, идёт сама собой —
Перетерпеть — вот мудрости вершина!

Г о с п о д ь

Я с этой философией знаком,
Да только вот в чём разница меж нами:
Работаешь ты больше языком,
А я тружусь вот этими руками.
Нет! Я — творец! И должен я творить —
И пусть вся жизнь пройдёт в творенье жарком.
Ведь это Пушкину простительно острить,
Что без меня «всё шло своим порядком».
«Нет! никогда я ПРАЗДНОСТИ не знал»,
Мне нечего стыдиться, умирая:
Я как-никак Вселенную создал
И вышвырнул бездельников из Рая.
Никто с тех пор не видел райских врат,
А райский сад — фантазия людская:
Где праздность — там всегда царит разврат,
И Рай не сад, а Бога мастерская.
Всю жизнь трудись упорно каждый час.
Бездельник будущего не познает:
Сегодняшним трудом все создано для нас,
Через Сегодня Завтра прорастает.

И и с у с

Я верю, батюшка, и в разум, и в прогресс:
Всё к лучшему — и в этом нет сомненья.
Я был распят, но, и неся свой крест,
Я верил, что настанет воскресенье.
Добро предъявит злу свои права,
И зло исчезнет навсегда бесследно.

Г о с п о д ь

Всё это, сын мой, — общие слова,
А истина, мой сын, всегда конкретна.

И и с у с

Неверием в добро не погрешу:
Людей исправит Просвещенья нива!

Г о с п о д ь

О, сын мой Иисус! Я об одном прошу:
Не говори красиво!
Трепаться вообще и ни о чём
Прошу тебя, отвыкни Бога ради.
Поговори об этом с Ильичём,
Понюхай «Философские тетради!»
Ты на меня надеяться привык.
Жизнь изменить — одной не хватит веры.
Я в этом деле — Маркса ученик —
Мне больше по нутру крутые меры.
Ты знаешь, не речей вода текла,
Когда людишек на Земле топила.
А кстати, как там на Земле дела?

И и с у с

Спросите, батюшка, об этом Гавриила.

Г о с п о д ь

Ну-с, Гавриил, им не помог ковчег?
Постигнуть не хотят науку Божью?
Чем дышит современный человек?

Г а в р и и л

Он, Господи, живёт и дышит ложью.

Г о с п о д ь

Им мало было грибовидной тучки,
Их опыт Хиросимы не проймёт.
Да, вижу я: дошли они до ручки —
Пусть кнопку спьяну кто-нибудь нажмёт.

(Взрыв.)

Р а ф а и л

Час последний пробили часы:
В школе начинался педсовет,
В поисках копчёной колбасы
Колесила тётка по Москве,
Над Землёю плыли звуки Баха,
Обалдело надрывался джаз —
Люди жили в страхе и без страха
В этот час. Земной последний час...
Мои слова — единственная сводка:
«Вчера от взрыва атомных ракет
Погибло всё: и колбаса, и тётка,
И Бах, и джаз, и школьный педсовет».

1983

ИЗ РИФМОВАННЫХ ПРОПИСНЫХ ИСТИН И НАДПИСЕЙ

1
Чем хуже я кур-молодух?
Я не простая птичка!
Так говорил дурак-петух,
Решив снести яичко.

2
На заборе
Не знать бы этих слов стиху!
Слова – как раны.
На мне их написали ХУ-
ЛИГАНЫ.

3
На тарелке
В гостях будь весел, раз пришёл,
Обид не помни мелких.
Ты из тарелки ешь чужой,
Но будь в своей тарелке.

4
На вилке
Культурный гость обязан знать:
Пусть сменит спор беседу,
Как аргумент меня втыкать
Не нужно в бок соседу.

5

На бутылке

Когда тоска стесняет грудь,
Вино тебе — отрада!
Пей из меня, но не забудь,
Что лезть в меня не надо.

6

На рюмке

Спиваются все постепенно —
Немало печальных историй.
Хоть море тебе по колено,
Во мне ты утонешь, как в море.

7

На празднике, садясь к накрытому столу,
Не думай о плохом и не противься злу!

8

Подымем стаканы — содвинем их разом!
И пусть будет пусто знакомым заразам!

9

На водке

Конечно, водка злая,
Но мы бы так сказали:
«Мы, зло употребляя,
Не злоупотребляли».

10

На людях

Где истина? К ней ближе середина:
Вот человек — в нём чёрт и божество,
Какая это вредная скотина!
Какое неземное существо!

11

Людей похожих нет,
Живут все как хотят:
Одни оставят след,
Другие — наследят.

12

На начальниках

Смешно и печально, увы!
У нас и такое бывает:
За неимением головы
Задом они возглавляют.

13

Я знаю: страной управляют в Москве
Без Бога в душе, без царя в голове.

14

На России

Наш дом Россия — славное жильё,
Где в нищете хозяин прозябает,
Где под надежной крышею жульё
Спокойно деньги отмывает.

15
Чиновник, жадностью томим,
Гребёт на всю катушку –
Кормило власти нужно им,
Чтоб охранять кормушку.

16
Покаяние
Репрессиям нет оправдания,
Нет преступленьям прощения.
Народу нужно покаяние
Как очищение.

17
Коммунисты
За что народ наказан так сурово?
Пора кончать в стране идиотизм!
И если нам народ поверит снова,
Мы снова всех погоним в коммунизм.

18
На народе
Как долго заблуждался наш народ:
Он шёл назад, а думал, что вперёд,

19
Нам в коммунизм туда или обратно?
Нет силы «демократию» терпеть:
У нас теперь, работая бесплатно,
Нельзя бесплатно даже умереть.

20
Воруют — бедствие!
Кто им потворствует?
Закон бездействует,
Народ безмолвствует.

21
На депутатах
Ещё не лучший тот,
Кому поверят люди:
Лишь ВРЕМЯ и НАРОД —
Единственные судьи.

22
На кандидатах
Мало им зарплаты,
Не хватает взятки:
Лезут в депутаты,
Рвутся в депутатки.

23
А Пушкин прав, признаться надо:
Всегда народ наш будут стричь —
Он разбредается, как стадо,
Над головой не слыша бич.

24
Диалектика
Во всём диалектика, или иначе —
Жизнь неделима — всё связано в ней:

Стать невозможно кому-то богаче,
Если не сделать кого-то бедней.

25

Есть государство — будет и начальство:
Власть портит всех, кого ни выбирай.
Увы, Свобода, Равенство и Братство
Всегда мечта, как Коммунизм и рай.

26

На Мавзолее

Как мыслили мы плоско и убого,
Пока нам время не дало урок:
Мы думали, что нет на небе Бога,
Мы верили, что в Мавзолее — Бог.

27

О Ленине сказать пора
Не охи и не ахи:
Он прост, как правда
топора
Для головы на плахе.

28

На льстецах

Когда мерсикают услужливо и складно,
Восторг притворный выражая бурно,
Мне хочется ответить непечатно
И что-нибудь добавить нецензурно.

29
А уши ваши
Не вянут от фальши?

30
Метаморфозы
Была пионерка, была комсомолка,
Была коммунистка — теперь богомолка.

31
На голове
Не жалко волоска! Не в этом дело.
Но если волосок отдашь, увы,
И остальные выщиплют умело,
Оставив наконец без головы.

32
На Печоре
Проникнись к городу любовью,
Пусть жертвы нас за прошлое простят:
Не мы его писали кровью
И строили наш город на костях.

33
На тиранах
Всех они подозревали люто,
Деспоты-тираны всех столетий.
Грозный спрашивал свирепо: «Где Малюта?»
Сталин был спокоен: «Где Лаврентий?»

34
В тот миг, когда умрём,
Что нам людская злоба?
И все же: что потом?
Взглянуть бы в щелку гроба!

35
Ни в чем себя я не считал примером,
Но так случилось, пусть меня поймут,
Почувствовал себя я Гулливером,
Когда меня стал мерять лилипут.

36
Как спички язычок, всю жизнь себя неся,
Ты тускло проживёшь и скучно,
Пока однажды робкое «нельзя»
Не сменит ослепительное «нужно»!

37
Спасибо, жизнь, за муки над стихами,
За розовый закат над синими снегами,
За слезы, за любовь, за думы об отчизне,
За то, что наш закат — начало новой жизни.

38
Пока не посетила нас беда,
Беречь здоровье человек не хочет.
Здоровье мы оценим лишь тогда,
Когда хоть прыщ на мягком месте вскочит.

39
Жизнь настоящая — в свершающемся миге,
Останется лишь тень, когда проходит он,
Тогда он не живей прочитанного в книге,
И не реальнее, чем сон.

40
Хоть и заслуженный, но отдых мне не нужен:
Он убивает, порождая лень.
Мне нужно, чтобы отдых не заслужен,
А завоеван был бы каждый день.

41
Мы возраст не способны побороть,
С годами меньше и пера и пуха,
И отстает стареющая плоть
От всё ещё бунтующего духа.

42
На своём доме
Кто не поймёт слова простые эти?
Я слышал их на жизненном пути:
Нет ничего приятнее на свете,
Чем в гости к самому себе прийти.

43
На Космосе
Вселенной взрыв — сильней любой бомбёжки,
И, видно, в нём движения пружина.
Галактики друг в друге, как матрёшки,
А дальше что? Уму непостижимо!

44

На земшаре

Себе желаю гибели мгновенной:
Взорвётся Солнце — как Икар сгорю.
Мне не дожить до сжатия Вселенной,
И я за то судьбу благодарю.

45

На Луне

Скрывалась я от света дня,
Поэты и влюблённые мне льстили,
Но люди добрались и до меня —
И, как всегда, пришли и наследили.

46

Утро

Проснись и бодро в новый день гляди:
Он много обещает впереди
И не обманет тех, кто утром смело
С надеждой принимается за дело.

47

День

День — для трудов отпущенный нам срок —
Остановись в конце и подведи итог.

48

Вечер

Я многозначный символ угасанья
Для тех, кто жить привык единым днём,

Но мой приход с начала мирозданья —
Лишь краткое затишье перед сном.
Для тех, кто в жизни поступает мудро,
Закат вечерний предвещает утро.

49

Закат

Как грустно провожать последний луч заката:
Прошедший день — еще одна утрата.

50

Ночь

Не просто отдых сон ночной для тех,
Кто засыпает с верою в успех.
Все одержимые давно об этом знают:
Мы спим, а замыслы неслышно созревают.

51

Комары

Дождавшись вечерней прохладной поры,
В стремлении, подлом и низком,
На мокрое дело летят комары
С протяжным разбойничьим писком.

52

Увидев след кошачьих слез,
Не отмахнусь хвостом:
Котёнок маленький подрос
И стал большим скотом.

53

Невежество

Вас слушаю уже не первый раз
И думаю: старательным быть мало.
«Невежество, — сказал когда-то Маркс, —
Ни в чем и никому не помогало».

54

Благодарность

Мы медиков благодарим,
Хоть нам и больно, вроде,
Когда за то, на чём сидим,
Держась, от них выходим.

55

Совершенство

Для Вас природа не жалела
Природных дефицитных благ:
За счёт души дала Вам тело,
Но совершенству нет предела,
Как говорил один дурак.

56

Разлука

Счастливо, говорю, а в сердце бьётся крик.
Машу рукой, а ты не слышишь стона.
Как чувствуешь разлуку в этот миг,
Когда лицо плывёт в окне вагона.

57
Любовь должны мы мерить
Возможностию верить.

58
Я знаю: испытание любви
Не трудности, не долгая разлука,
А ежедневно вместе быть,
Когда узнали наизусть друг друга.

59
Любовь гарантий не дает и прав.
В ней правило одно: к себе будь строже,
В любви кто любит, тот и прав,
А кто не любит — тоже.

60
Я счастие нашёл,
Я быт семейный славлю:
Жена накроет стол,
А я на стол поставлю.

61
С японского
Нас месяц март на счастье свёл,
С тех пор живу в заботе,
Чтобы нефритовый мой ствол
В твоём был чаще гроте.

62
Не обмануть нас дамочкам,
Поймем и в наше времечко,
Зачем Адама яблочком
В раю кормила Евочка.

63
Волокита
Он молодость провел и ветрено, и пылко —
Вот почему лысеет он с затылка.

64
Говорит, что еле-еле
Ходит, ноги волоча.
Я её видала в деле —
До чего же горяча!

65
Подражание Пруткову
«Вы любите ли секс?» —
Спросили раз ханжу.
«Люблю, — ответил он, —
Я вкус в нем нахожу».

66
Понюхав под хвостом, спросил у Жучки Рекс:
«Ты знаешь, Жучка, что такое секс?»
На это Жучка, смерив Рекса взглядом,
Повернулась задом.

67
Не пожелаю и врагу,
За что же мне такое?
Красивых женщин не могу
Приветствовать я стоя.

68
Предвижу без натяжки,
Каких нам ждать услад
От конкурса «Мисс ляжки»
До конкурса «Мисс зад».

69
Безжалостно движется время,
Но пусть на висках серебро,
Влюблённости сладкое бремя
Толкает, как бес, под ребро.

70
Муж и жена — два полюса, два знака.
Таятся в них опасности для брака.
Но могут сохранить любви и счастья зданье
Терпенье и взаимопониманье.

71
Задолбал свободный рынок —
С ним считаться мы должны.
Отрекаюсь от поминок
В пользу любящей жены.

72
Не в том беда, что век наш длится мало,
Нас удручает то в конце концов,
Что дети начинают всё сначала,
Не признавая опыта отцов.

73
Волнуемся за них, а после ждём вестей,
Так и живём с тревогой и слезами,
Хоть мы, поставив на ноги детей,
Им не нужны: они шагают сами.

74
Какой быть женщина должна?
Не сильной и не слабой,
Жена она иль не жена —
Она должна быть бабой.

75
Где ум у новых русских сук,
Чтоб мысль понять простую:
Они грызут под задом сук,
Воруя подчистую.

76
По лучшему должны цениться люди,
Как и народы, что бы ни стряслось:
Нельзя судить евреев по Иуде,
Когда евреем был Иисус Христос.

77
О человеке цифры говорят,
Не оставляя в истине сомненья:
Достоинства в числителе стоят,
А знаменатель — наше самомненье.

78
Не всё в семейной жизни в радость мне,
Но часто дело не в жене, а в муже:
Я начал лучше думать о жене
С тех пор, как о себе стал думать хуже.

79
Эстрадные звёзды
Охваченные чувственным экстазом,
Они не звуки издают, а вой
И, сладострастно поддавая тазом,
Толпу на блуд сзывают групповой.

80
Будь гражданин, учили нас когда-то,
А я пишу про близкое, своё:
«Поэзия должна быть глуповата» —
Зачем Венере нижнее бельё?

81
Заветы Пушкина стремясь исполнить свято,
Не превращай стихи в неясный бред:
«Поэзия должна быть глуповата»,
Но не поэт!

82
И Культ мы пережили и Застой,
Судьба нас за полвека часто била,
И всё, что совершалось со страной,
И через школу нашу проходило.

83
Ни с чем твой труд, учитель, несравним,
А плата за него — лишь нищенские деньги —
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно встать на четвереньки!

84
Живём мы не без обиды,
С надеждой, но без обольщения —
Атланты и кариатиды
Народного просвещения.

85
Кого судьба, талантом обделя,
Под зад коленкой равнодушно пнула,
Тем путь один — идти в учителя
И робко сесть на край чужого стула.

86
Нам кажется: вот-вот невзгоды одолеют,
И мы живём, страдая и ворча,
А школа все стоит, и школьники взрослеют,
Стареем мы, но всё горит свеча.

87

Нас могут огорчить великое и малость,
Но, если даже муки велики,
Велик лишь тот, кто обретает радость
Страданиям и мукам вопреки.

88

Сказал мне сын (пять лет ему — малец):
«Мне кажется, но это между нами,
Ты очень распыляешься, отец,
Займись одним, ну, например, стихами».

СОДЕРЖАНИЕ

«В ком на поэзии язык...» 3
На рождение сына 4
«Мы встретились легко и без оглядки...» 5
«Зима-проказница...» 6
«Я думаю сегодня об одном...» 7
«Три стихотворения, в которых выражаю свои чувства» 8
«В разлуке мы, но знаем: оба — дома...» 10
Пунктиры чувств 11
Художник и обед 12
«Обычно с наступлением весны...» 13
В деревне 14
Родина («Всё в нашем сердце будит отголоски...») 16
Иван Сусанин 17
Сонет 18
Родина («Когда мы искренни, всегда мы в чем-то правы...») 19
Эпиталама 20
Юбилейное 21
День Победы 22
ВДВ 23
Мой дом 25
Песня о друзьях 27
Песня о далёкой любви 29
Детство 30
Совесть 31
Когда разбогатею 32
Первый гонорар 34
Новогодние чудеса 36
Счастье 37
Наполеон 38
Вчера и сегодня 39
Слушая Визбора 40

Начало сентября... 42
Под Новый Год («С утра пораньше перед Новым годом...») 43
Слово о полку Игореве 44
Поэзия 45
«Смак» 46
Встречая третье тысячелетье... 47
Гений 49
«Сознательно в стихах я старомоден...» 50
Любовь 51
Морозы 53
«Друзья мои, я быть хотел бы с вами...» 54
Памяти отца 55
Старики 56
Под Новый Год («Пусть эта ночь пройдет скромней и проще...») 57
Смерть Марло 58
Восточный звериный календарь 61
Что спасет мир? 66
Англоманы 67
Рашен 69
«Нет, моралистом быть я не берусь...» 70
«ИзБорник» мой, возможно, выйдет в свет...» 71
Встречи 72
Пустоголовые и двуголовые 73
Крайности 74
Семейные отношения 75
Вариации ни тему «Нос» 77
Первое чтение «Ревизора» 79
Золотая книга «побеждённого» Гейне 81
Шествие на казнь 83
Гёте и Бетховен 85
«Бесправье и насилье за века...» 86
Вовремя уйти 87
Из стихов о Печоре 88

Два стихотворения о Печоре
1. Русанов 89
2. Канин-Нос 90
Джинтуй 92
Пожить в лесу... 94
Моя Печора 95
Асиновскому 96
В парной 97
Грибная пора 98
Пятидесятые годы 99
Республика Коми 101
Почётные граждане Печоры 102
Выпускникам 103
Печорский край 104
История государства Российского от Гостомысла до Ельцина 105
Конец света *(маленькая трагедия)* 134
Из рифмованных прописных истин и надписей 138

Борис Степанович ХВАТОВ

ИзБорник

Сдано в набор 20.01.2003. Подписано в печать 30.05.2003.
Формат 70x108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Объем 5 уч.изд.л.
Заказ № 824. Тираж 1000.

Издательство «Печорское время»
169600, Республика Коми, г. Печора, ул. Островского, 71.
Лицензия КР № 0041 от 20.05.1998 г.

Борис Степанович ХВАТОВ

ИзБорник

Сдано в набор 20.01.2003. Подписано в печать 30.05.2003.
Формат 70x108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Объем 5 уч.изд.л.
Заказ № 824. Тираж 1000.

Издательство «Печорское время»
169600, Республика Коми, г. Печора, ул. Островского, 71.
Лицензия КР № 0041 от 20.05.1998 г.

40=00